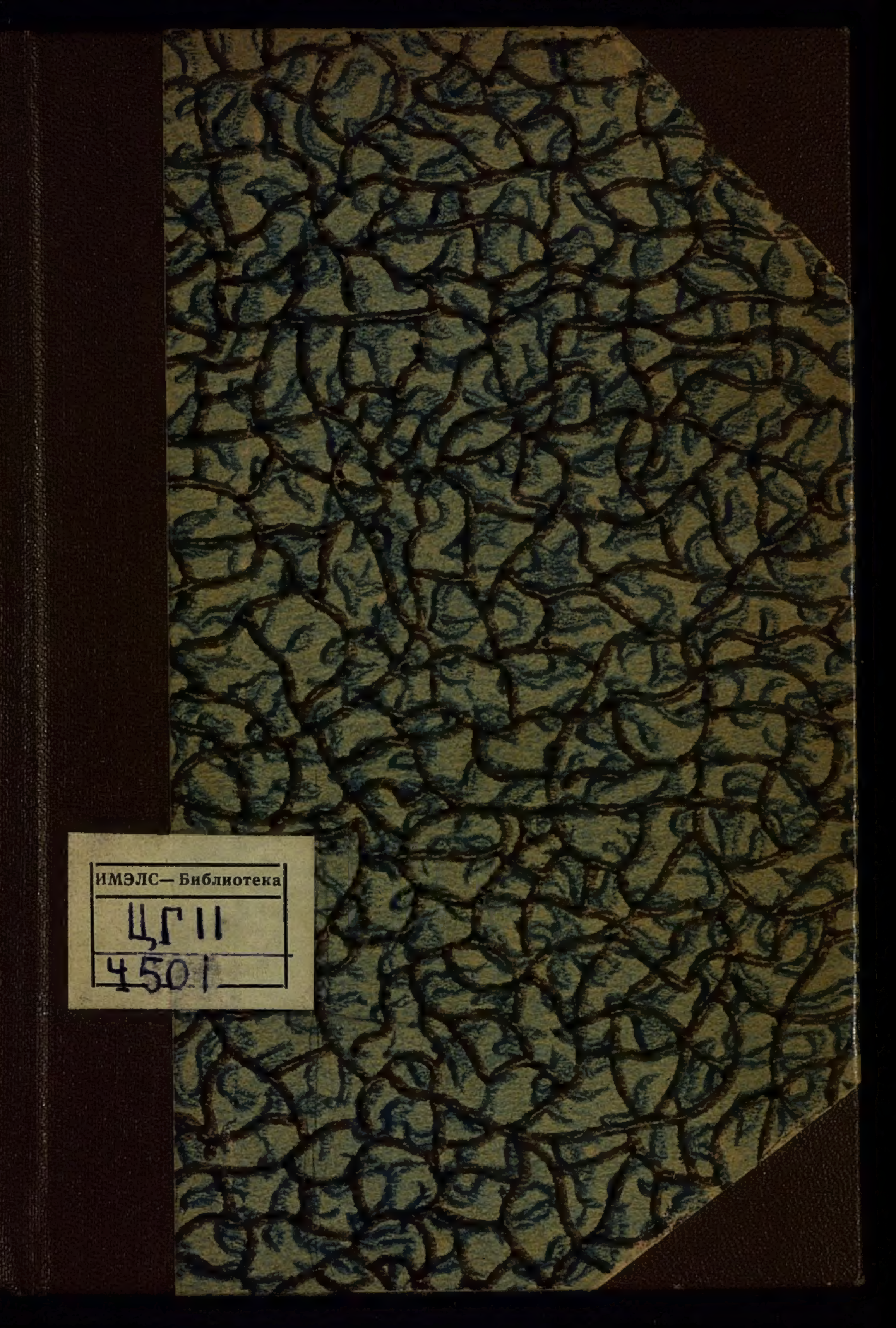


ИМЭЛС— Библиотека
ЦГ11
4501

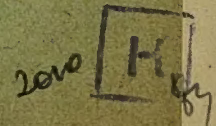
КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО „НОВОЕ ТОВАРИЩЕСТВО“.

Викторъ Черновъ.

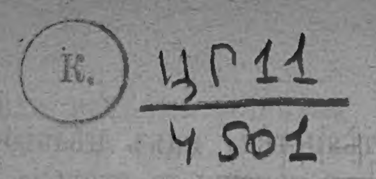
ПРОЛЕТАРІАТЪ и Трудовое Крестьянство.

Цѣна 20 коп.

МОСКВА
—
1906.



2010
К



Классовая борьба въ деревнѣ.

Со стороны писателей ортодоксально-марксистскаго направленія соціалисты-революціонеры часто слышатъ обвиненія въ забвеніи принципа классовой борьбы,—особенно въ примѣненіи къ ихъ работѣ среди крестьянства.

Откуда взялось это обвиненіе? Изъ разнаго пониманія, разной оцѣнки тѣхъ общественныхъ слоевъ, на которые распадается современная деревня. По мнѣнію марксистской газеты, «марксизмъ—доказалъ мелкобуржуазный укладъ русскаго крестьянскаго хозяйства», и вина соціалистовъ-революціонеровъ заключается въ томъ, что «они не понимаютъ принадлежности современнаго крестьянства, какъ цѣлаго, къ мелкобуржуазнымъ слоямъ».

Если вы будете исходить изъ этой точки зрѣнія, то въ современной деревнѣ вы найдете одинъ элементъ—сельскохозяйственный пролетаріатъ, который и составляетъ единственный революціонный классъ. Только онъ можетъ быть опорою соціализма—способствовать тому, чтобы этотъ классъ созналъ себя классомъ, рѣзко отличнымъ отъ остальной крестьянской массы, выработалъ себѣ особую психику, особое міросозерцаніе, созналъ и прочувствовалъ свою противоположность всѣмъ остальнымъ слоямъ деревни.

Иначе глядятъ на дѣло, соціалисты-революціонеры. Они не то, что *не понимаютъ*—они *не признаютъ* «при-

надлежности современнаго крестьянства, какъ цѣлаго, къ мелкобуржуазнымъ слоямъ», не признаютъ этого потому, что среди «крестьянства, какъ цѣлаго», различаютъ цѣлый рядъ слоевъ не только съ количественно-различными, но и качественно-противоположными интересами.

Каковъ основной, отличительный признакъ, дозволяющій причислить человѣка къ классу «буржуазіи»? Въ нашихъ глазахъ такимъ признакомъ прежде всего является источникъ дохода, на который существуетъ данное лицо. Въ современномъ обществѣ цѣлый рядъ общественныхъ слоевъ существуетъ на прибавочную стоимость, на неоплаченный трудъ другихъ людей. Одни прямо выжимаютъ этотъ трудъ изъ рабочихъ—это промышленная буржуазія; другіе косвенно пріобщаются къ фонду неоплаченной рабочей силы — такова буржуазія финансовая, торговая, биржевая и т. д. Въ каждомъ подвидѣ буржуазіи возможно раздѣленіе на крупную, среднюю и мелкую—въ зависимости отъ чисто количественной разницы, отъ мѣръ, отъ степени, въ которой лицо пріобщается къ чужому неоплаченному труду, къ тѣлу и крови ближняго своего. Но ихъ должно объединить одно принципіальное сходство, передъ которымъ меркнетъ количественная разница. Такимъ сходствомъ, повторяемъ, прежде всего является для насъ сходство *источника доходовъ*—именно, пользованіе неоплаченнымъ трудомъ другихъ людей.

Вотъ почему мы не можемъ причислить «крестьянство въ качествѣ цѣлаго» къ «мелкобуржуазнымъ слоямъ». Для насъ крестьянство рѣзко дѣлится на двѣ принципіально отличныя категоріи: 1) трудовое крестьянство, живущее эксплуатаціей собственной рабочей силы; 2) сельскую буржуазію—среднюю и мелкую—въ большей

или меньшей степени живущую эксплуатаціей чужой рабочей силы.

Трудовымъ крестьянствомъ является и сельскій пролетаріатъ (крестьяне, исключительно или главнымъ образомъ живущіе *продажей* своей рабочей силы, вполнѣ или почти вполнѣ лишенные обладанія средства производства) и классъ самостоятельныхъ земледѣльцевъ, исключительно или главнымъ образомъ живущихъ приложеніемъ собственнаго труда за свой личный страхъ и рискъ къ средствамъ производства (собственнымъ, общиннымъ или арендованнымъ). Между двумя этими элементами населенія существуетъ — при всѣхъ частныхъ различіяхъ—огромное *принципіальное* сходство. Основой существованія и тѣхъ и другихъ является трудъ, какъ опредѣленная политико-экономическая категорія. Это разъ. Во-вторыхъ, тѣ и другіе въ современныхъ условіяхъ *безжалостно эксплуатируются.* Одни эксплуатируются непосредственно въ процессѣ производста капиталистическими предпринимателями, другіе косвенно, въ сферѣ обращенія товаровъ, въ сферѣ арендныхъ или долговыхъ сдѣлокъ—но это только различныя *внѣшнія формы* извлеченія неоплаченнаго труда. Сущность взаимныхъ отношеній между сельскимъ хозяиномъ и батракомъ, съ одной стороны, между самостоятельнымъ земледѣльцемъ и заимодавцами, землевладѣльцами, кулаками, съ другой стороны, совершенно одинакова. Это существо, эта хозяйственная сущность тѣхъ и другихъ отношеній формулируется словами: содержаніе эксплуататорскихъ, паразитическихъ классовъ на свой неоплаченный ими трудъ.

Поэтому соціалисты-революціонеры находятъ разницу между чистымъ сельскимъ пролетаріемъ и трудовымъ земледѣльцемъ — разницей болѣе внѣшней и сравнительно съ основнымъ ихъ сходствомъ второстепенной и несу-

щественной. Мы говоримъ, что интересы ихъ солидарны по самому существу ихъ соціальнаго положенія, по характеру той роли, которую играютъ они въ буржуазномъ капиталистическомъ народно-хозяйственномъ механизмѣ. Эта роль—содержать своимъ трудомъ капиталистовъ, буржуазію всѣхъ видовъ и разновидностей.

Поэтому *сознать себя единымъ классомъ* соціалисты-революціонеры, предлагаютъ не однимъ только безхозяйнымъ деревенскимъ батракамъ, не только *пролетарскому* элементу деревни—но гораздо болѣе обширному слою *трудового рабочаго* крестьянства, слою, къ которому сельскій пролетаріатъ относится, какъ часть къ цѣлому. Его мы называемъ *рабочимъ классомъ* въ деревнѣ, ему предлагаемъ вести классовую борьбу противъ всѣхъ піявокъ эксплуататоровъ. Мы протестуемъ противъ выдѣленія одного лишь пролетаріата, ибо такое одностороннее выдѣленіе является въ нашихъ глазахъ разрывомъ кровной связи между двумя внѣшне-различными разновидностями сельскаго рабочаго населенія, двумя трудовыми братьями — рабочимъ-батракомъ и рабочимъ - крестьяниномъ - земледѣльцемъ. Мы провозглашаемъ въ деревнѣ кличъ международнаго рабочаго гимна— вдохновеннаго „интернаціонала" — „ouvriers, paysans, nous sommes le grand parti des travailleurs" *). Мы горячо протестуемъ противъ того, чтобы эксплуатируемаго, обираемаго крестьянина, живущаго трудами рукъ своихъ, въ потѣ лица своего *недоѣдающаго* „хлѣбъ свой",—какъ будто въ насмѣшку надъ его каторжнымъ трудомъ, надъ его кровавымъ потомъ—объединяли въ одномъ разрядѣ „буржуазіи" вмѣстѣ съ его праздными и сытыми властелинами, съ его вампирами — эксплуататорами, помѣщиками, „современными" сельскими хозяевами и дере-

---

*) «Рабочіе, крестьяне, мы всѣ— великая партія работниковъ».

венскими „денежными мѣшками“. И насъ хотятъ увѣрить, что между ними — только количественная („крупный“ — „мелкій“) разница, а не качественная. Какъ будто здѣсь все дѣло въ размѣрахъ одной и той же хозяйственной категоріи — трудового и буржуазно-капиталистическаго хозяйства. Это возведеніе всего нашего „крестьянства, какъ цѣлаго“, въ рангъ буржуазіи — хотя бы и мелкой — кажется намъ вопіющимъ насиліемъ и надъ дѣйствительностью, и надъ человѣческой логикой, и надъ человѣческимъ чувствомъ; не считаясь ни съ тѣмъ, ни съ другимъ, ни съ третьимъ, насъ увѣряютъ, что эта, хорошо намъ знакомая фигура мужика — „чьи работаютъ грубыя руки, предоставивъ почтительно намъ погружаться въ искусство, въ науки, предаваться мечтамъ и страстямъ“ — есть фигура *буржуа,* въ то время, какъ даже мы, сами мы, которымъ онъ все это „почтительно предоставляетъ“ — интеллигентные *пролетаріи.*

Нѣтъ, въ эту несообразность, увѣровать, — quia absurdum est *) насъ никогда не заставятъ. Пусть говорятъ про насъ, что хотятъ, но мы глубоко убѣждены, что поступаемъ правильно, *соединяя,* а не *раздѣляя* крестьянина-земледѣльца, крестьянина-труженика и безземельнаго, безхозяйнаго пролетарія - батрака. Къ нимъ, какъ къ двумъ трудовымъ братьямъ, будемъ обращаться мы и впредь, на нихъ будемъ мы опираться въ деревнѣ, рука объ руку съ ними мы будемъ итти отъ побѣды къ побѣдѣ, пока не донесемъ нашего знамени до его конечной великой цѣли.

Мы еще вернемся въ одной изъ слѣдующихъ статей къ вопросу о томъ, совпадаютъ, или не совпадаютъ понятія *пролетаріата* и *рабочаго класса.* Теперь же

*) «Потому что, это нелѣпо».

намъ предстоитъ провѣрить на фактахъ наши положенія о солидарности интересовъ труженика земледѣльца и батрака пролетарія, а также о способности перваго на ряду съ послѣднимъ быть опорой народнаго соціализма въ деревнѣ.

Всѣ извѣстные намъ факты единогласно свидѣтельствуютъ о томъ, что *пролетаризація* трудового крестьянства вовсе не является выигрышемъ, плюсомъ для дѣла революціонизированія деревни; что самостоятельный рабочій земледѣлецъ, какъ таковой, очень воспріимчивъ къ соціалистической пропагандѣ; воспріимчивъ не менѣе (иные рѣшаются даже утверждаютъ—*болѣе*), чѣмъ сельскохозяйственный батракъ, пролетарій.

На Бреславльскомъ партейтагѣ германской соціальдемократіи это констатировалось многими деревенскими пропагандистами и теоретиками. „Должны ли мы допустить сдѣлаться пролетаріемъ болѣе высоко стоящаго крестьянина, чтобы онъ тогда самъ пришелъ къ намъ?“—спрашивалъ Кваркъ, „Нѣтъ это не такъ. Наоборотъ, нашимъ былъ бы скорѣе болѣе развитой, не совсѣмъ обнищавшій крестьянинъ, если бы мы сами не отнимали у него почти искусственно довѣрія къ намъ“. „Мы—говорилъ фонъ-Эльмъ—уже нашли доступъ именно къ мелкому крестьянству, которое въ нѣкоторыхъ округахъ значительно доступнѣе для насъ, чѣмъ обнищавшій сельскій рабочій“. „Поденщикъ и слуга гораздо болѣе зависимы, чѣмъ мелкій крестьянинъ—говорилъ Бокъ—и между послѣдними у насъ есть довѣренные люди“. „Я знаю изъ собственныхъ наблюденій — говорилъ Давидъ, самъ человѣкъ деревни: что въ общемъ крестьянинъ—сообразительный и практически мыслящій человѣкъ; нельзя смотрѣть на своеобразность крестьянина, какъ на его отсталость... Во всякомъ случаѣ крестьянинъ—гораздо болѣе демократическая и способная къ сопро-

тивленію натура, чѣмъ, напр., какой-нибудь остъ-эльбскій сельскій рабочій“.

Намъ, можетъ быть, возразятъ: но вѣдь такъ утверждаютъ разные Давиды, фонъ-Эльмы—бернштейніанцы, оппортунисты, „критики“. Они сами заражены мелкобуржуазнымъ духомъ и было бы странно, если бы они не превозносили „мужичка“. Хорошо, послушаемъ теперь крайнихъ лѣвыхъ — Либкнехта и Молькенбурга. „Съ крестьянами,—*которые въ сущности столь же интеллигентны, какъ и горожане*, но которые имѣютъ свой собственный кругъ дѣйствій и идей и свой собственный языкъ,—нужно говорить ихъ языкомъ, нужно примѣняться къ ихъ обстоятельствамъ...—говорилъ на томъ же партейтагѣ Либкнехтъ: я никогда иначе и не велъ сельской агитаціи. Я очень долго выступалъ въ полуземледѣльческихъ избирательныхъ округахъ, и въ Оберъ-Гессенѣ, моей родинѣ, гдѣ особенно оживленное аграрное движеніе, я велъ сельскую агитацію съ хорошимъ успѣхомъ. Я нашелъ, что крестьянъ можно привлечь къ соціалистической программѣ, даже нисколько не затемняя отъ нихъ нашихъ цѣлей. Мы должны говорить имъ всю правду и ничего, кромѣ правды, но такъ, чтобы они понимали эту правду при помощи наглядной дѣйствительности“.

„Разговоръ объ антисоціалистическомъ духѣ крестьянства, объ его узости—все это общія мѣста, неосновательность которыхъ можно доказать тысячью примѣровъ, взятыхъ изъ практической жизни“, говорилъ Молькенбургъ, одинъ изъ самыхъ опытныхъ пропагандистовъ среди крестьянъ. „Въ 1867 г. въ Восточной Пруссіи произошелъ крахъ сельскаго хозяйства, которое тамъ раньше велось. Тысячи рабочихъ обнищали и голодали, но соціалистовъ мы изъ нихъ не получили... Льстить крестьянину не годится. Но, съ другой стороны, нелѣпо

его и оскорблять, кивая на его ограниченность, на „собственническій фанатизмъ"...

Даже Каутскій, тотъ самый Каутскій, который мѣстами выступаетъ отчаяннымъ крестьянофобомъ и сторонникомъ пролетаризаціи крестьянства, вынужденъ признать, что въ деревнѣ условія своеобразны и тамъ „нельзя ожидать соціалистическаго движенія одинаковаго характера съ тѣмъ, которое происходитъ въ городѣ. Рабочіе слои *) деревни слишкомъ зависимы и слишкомъ контролируемы, чтобы въ деревнѣ такъ же, какъ и въ городѣ, могли развиться рабочіе ферейны, чтобы одинаковое распространеніе нашла себѣ здѣсь и рабочая пресса... *Крестьянъ, конечно, можно легче организовать*, среди нихъ легче пріобрѣсти и подписчиковъ газетъ, этимъ-то и порождается сильное стремленіе приспособить деревенскую агитацію не къ потребностямъ тѣхъ слоевъ сельскаго населенія, которые по своему классовому положенію стоятъ ближе всего къ пролетаріату, а къ потребностямъ *самостоятельныхъ крестьянъ*, среди которыхъ эта агитація, если она дѣйствительна, *скорѣе всего можетъ принести осязательные плоды*"...

Перейдемъ въ Бельгію—и тамъ, въ соціалистической аграрной анкетѣ Зео и Вандервельда, мы между прочимъ встрѣтимся съ указаніемъ, что, напр., въ округѣ Aichegen Refail крестьяне значительно податливѣе къ соціалистической пропагандѣ сравнительно съ наемными рабочими, хотя бы уже вслѣдствіе своей большей независимости. Перейдемъ въ Италію—тамъ мы наталкиваемся на засвидѣтельствованный Гатти отзывъ нѣкоторыхъ сицилійскихъ пропагандистовъ, что въ Сициліи

---

*) Подъ *рабочими* слоями Каутскій разумѣетъ *пролетарскіе*. (*Ред.*).

„соціалистическая пропаганда менѣе трудна среди мелкихъ собственниковъ, чѣмъ среди сельскохозяйственнаго пролетаріата“ („Agricultura e Socialismo“).

Переходимъ въ Голландію,—и мы не менѣе поучительныя данныя найдемъ, напр., у Флигена („Das Agrarprogramm der niderlandichen Socialdemocratie“).

Флигенъ констатируетъ, что чрезвычайно трудно отдѣлить нѣкоторые классы такъ называемыхъ „землевладѣльцевъ“ (крестьянъ) отъ пролетаріевъ; при массѣ переходныхъ ступеней, при стремленіи самихъ пролетаріевъ обезпечить себя хоть небольшимъ клочкомъ земли „о классовой борьбѣ въ обычномъ смыслѣ этого слова (Флигенъ, очевидно, имѣетъ въ виду *чисто-пролетарскую* классовую борьбу) не можетъ быть никакой рѣчи“. Если прибавить сюда пауперизмъ сельскихъ рабочихъ, ихъ кочевническій бытъ, непостоянство ихъ заработка, то будетъ понятно почему „попытка создать профессіональные рабочіе союзы сельскихъ наемныхъ рабочихъ разбилась о вышеупомянутыя условія“. И голландская соціаль-демократія вынуждена была, оставивъ предвзятые взгляды, притти къ заключенію, что „необходимъ союзъ между крестьянами и сельскими наемными рабочими, чтобы улучшить положеніе обоихъ этихъ слоевъ“.

Къ тому же пришлось притти и въ Бельгіи и въ Италіи. Въ Италіи земледѣльческій рабочій конгрессъ, провозгласившій соціалистическій принципъ,—тоже, несмотря на сопротивленіе нѣкоторыхъ марксистовъ-теоретиковъ, принялъ принципъ союзнаго движенія сельскохозяйственнаго пролетаріата и трудового крестьянства, и единую рабочую организацію, охватывающую оба эти слоя.

Въ Австріи, на Грацкомъ партейтагѣ, референтъ Элленбогенъ и нѣкоторые другіе ораторы такимъ же образомъ характеризовали степень доступности крестьянъ и батраковъ соціалистической пропагандѣ.

Интересна сдѣланная Добіачемъ (Dobiatch) классификація различныхъ слоевъ сельскаго населенія по степени ихъ доступности для соціалистической пропаганды. „Ниже всѣхъ—говорилъ онъ—стоятъ кнехты: они болѣе всего нуждаются въ защитѣ, но труднѣе всего поддаются агитаціи. Нѣсколько доступнѣе—хотя опять-таки лишь при величайшихъ усиліяхъ—являются поденщики у крупныхъ крестьянъ и арендаторовъ... начинать съ ними приходится прямо съ азбуки. Дальше идутъ тѣ, которые получаютъ въ аренду клочекъ земли: и между ними работа страшно трудна, но не вовсе невозможна. Относительно всего доступнѣе среди сельскохозяйственныхъ рабочихъ тѣ, которые имѣютъ небольшую осѣдлость, владѣютъ одной-двумя коровами, зимою остаются дома, а весною работаютъ въ городахъ. Довольно доступны также для насъ мелкіе крестьяне, живущіе отъ своей нивы, но не примѣняющіе никакихъ вспомогательныхъ рабочихъ силъ. Среднiй слой доступенъ уже менѣе. Я того взгляда, что мы должны требовать законодательной защиты для поденщиковъ и сельскохозяйственныхъ рабочихъ, при агитаціи же переносить центръ тяжести на мелкихъ крестьянъ. Съ крупными крестьянами у насъ дѣло не пойдетъ“. Что касается Элленбогена, то изъ обзора движенія въ Бельгіи, Германіи, Франціи, Италіи, Даніи и Венгріи онъ заключаетъ: „Изъ всего вытекаетъ слѣдствіе, что только тамъ достигали успѣха, гдѣ партія не ограничивалась только сельскохозяйственными наемными рабочими, но распространяла агитацію и на мелкихъ крестьянъ“.

Фридрихъ О. Герцъ въ своей брошюрѣ „Agrarfrage und Socialismus“ такъ формулируетъ сущность положенія: „Дѣло организаціи сельскохозяйственнаго рабочаго связано съ большими трудностями. Онъ обособленъ, работаетъ часто одинъ, не находясь въ постоянномъ общеніи съ товарищами, какъ то наблюдается въ городѣ;

низкій образовательный уровень, недовѣрчивость, отсутствіе потребностей, разнообразіе въ положеніи и въ интересахъ — все это препятствія для его организаціи... Короче говоря, для чисто-рабочаго (пролетарскаго) движенія въ деревнѣ мы не видимъ ободряющихъ данныхъ ни въ условіяхъ дѣйствительности, ни въ предшествовавшемъ опытѣ. Скорѣе является безусловно необходимымъ втянуть въ агитацію и нѣкоторую часть крестьянъ". Въ другомъ мѣстѣ (Die Agrarischen Fragen im Verhältniss zum Socialismus") онъ, ссылаясь на опытъ всѣхъ деревенскихъ пропагандистовъ, утверждаетъ, что безъ содѣйствія другихъ слоевъ сельскаго населенія невозможна дѣйствительная организація поденщиковъ крупныхъ имѣній.

Можетъ быть, иначе обстоитъ дѣло во Франціи? Послушаемъ Жореса. „Итакъ, во Франціи—говоритъ онъ въ своей брошюрѣ: Socialism et paysans — сельскохозяйственные рабочіе, батраки и поденщики, не достигли классового самосознанія и чувства единства, они изнываютъ до настоящаго времени подъ властью хозяевъ всевозможныхъ сортовъ, которые распоряжаются по своему произволу и трудомъ и досугомъ ихъ; и сельскохозяйственные рабочіе, не имѣющіе никакой собственности, въ нашей странѣ представляютъ классъ настолько зависимый и казались настолько quantité negligeable, что палатѣ депутатовъ никогда даже въ голову не приходило задуматься о законодательствѣ въ ихъ пользу"... Въ другой, позднѣйшей работѣ („Le mouvemet rural") онъ указываетъ, что сельскіе наемные рабочіе рѣдко являются „чистыми пролетаріями", и что число такихъ чистыхъ пролетаріевъ имѣетъ тенденцію уменьшаться *). А между тѣмъ „вполнѣ естественно,

*) Какъ извѣстно, это наблюдается и во Франціи, и въ Германіи, и въ Соед. Штатахъ, и т д.

что трудно создавать сильное пролетарское движеніе въ мѣстностяхъ, гдѣ самая субстанція этого движенія— сельскохозяйственный пролетаріатъ — обнаруживаетъ стремленіе уменьшаться“. Нечего и говорить про тѣ мѣстности, гдѣ большинство населенія собственники, арендаторы или половинщики. Здѣсь не только будущее сулитъ мало, но и въ настоящемъ условія „мало благопріятны для движенія исключительно и чисто пролетарскаго“. Ср. также пессимистическій отзывъ Ж. Гэда въ статьѣ: „Les syndicats ouvriers“ („La revue socialiste, 1880 г.“).

И въ то же время среди французскихъ соціалистовъ нерѣдкость радужно-оптимистическіе отзывы о «предрасположеніи крестьянъ къ соціализму» (См., напр., Le socialisme agraire. Адр. Вебера). А иные буржуазные публицисты (какъ George Michel въ l'Economiste Français) тревожно восклицаютъ: «съ другой стороны, изъ всѣхъ агентовъ революціоннаго движенія самый опасный—это тотъ мелкій собственникъ, земля котораго истощена ипотеками, и доходъ, поглощаемый отчасти фискомъ, не можетъ болѣе удовлетворять его потребностямъ».

Въ городѣ пролетаризація ремесленниковъ положила начало классу гораздо болѣе революціонному, сплоченному и способному къ борьбѣ — индустріальному пролетаріату. Теоретики, незнакомые съ аграрными отношеніями, охотно, судя по аналогіи, стали ожидать отъ пролетаризаціи крестьянства созданія и въ деревнѣ «истинно-революціоннаго класса». Они не замѣтили, что въ области земледѣлія творческая, организующая роль капитализма совершенно отступаетъ передъ его разрушающей, дезорганизующей ролью. Они забыли то, на что указывалъ уже Марксъ: «разсѣяніе *сельскихъ* рабочихъ на большихъ пространствахъ *сламываетъ* силу ихъ сопротивленія, между тѣмъ какъ скопленіе *городскихъ*

рабочихъ *увеличиваетъ* ее... Капиталистическое производство... разрушаетъ физическое здоровье городскихъ работниковъ и *духовную жизнь* сельскихъ»...

Они провозгласили въ деревнѣ единственнымъ истинно-революціоннымъ классомъ пролетаріатъ, а самостоятельное трудовое крестьянство зачислили въ рангъ буржуазіи. Жизнь жестоко насмѣялась надъ ихъ построеніями. «Мелкій буржуа» оказался не менѣе, иногда даже болѣе доступенъ для соціалистической агитаціи и организаціи, чѣмъ «пролетарій». Союзъ трудового крестьянства и пролетаріата подсказывался всѣмъ опытомъ движенія, всей моралью борьбы. Наконецъ, догма разбилась о жизнь, и цѣлый рядъ практиковъ и теоретиковъ соціализма провозгласилъ, что нельзя сельскій рабочій классъ сужать рамками безхозяйнаго пролетаріата. Началась организація широкой арміи труда впротивовѣсъ арміи капитала. Въ трудовомъ крестьянинѣ увидѣли не «буржуа», а «работника». И его пресловутый «фанатизмъ собственности» оказался въ цѣломъ рядѣ случаевъ, у цѣлаго обширнаго слоя деревни «фанатизмомъ труда», не Eigennutss fanatismus, a Arbeitsfanatismus, мастерскую характеристику котораго далъ нашъ Успенскій въ своей «Власти земли», въ главѣ о «Поэзіи земледѣльческаго труда».

Пролетаріи-батраки въ русской деревнѣ.

Когда со стороны одной части русскихъ марксистовъ мы встрѣчаемъ упреки въ забвеніи классового принципа, особенно въ примѣненіи къ работѣ среди крестьянъ,—то, какъ мы уже видѣли, мы имѣемъ дѣло съ простымъ недоразумѣніемъ. Мы различно опредѣляемъ содержаніе понятія «рабочій классъ». Съ нашей точки зрѣнія этимъ понятіемъ охватываются тѣ элементы деревни, источникомъ существованія которыхъ является *трудъ*, и ровно постольку, поскольку этимъ источникомъ является трудъ. Для многихъ изъ нашихъ марксистовъ, напротивъ, понятіе рабочаго класса является болѣе узкимъ, охватывая собою лишь пролетарскіе, безхозяйные элементы деревни. Они хотятъ защищать интересы *наемнаго труда;* мы готовы защищать интересы *труда вообще,* выносится ли онъ своимъ обладателемъ на рынокъ, или самостоятельно прилагается къ средствамъ производства (своимъ собственнымъ, общиннымъ, товарищескимъ или арендованнымъ). Они готовы ставить въ упрекъ всѣмъ своимъ предшественникамъ, что «они были соціалистами, но не были еще соціаль-демократами, такъ какъ не понимали, что *только рабочій-пролетарій,* у котораго въ настоящемъ *нѣтъ никакой собственности*, а лишь непрерывный каторжный трудъ, можетъ проникнуться ихъ

ученіемъ и послѣдовать ему». Мы же убѣждены, что «непрерывный каторжный трудъ» является удѣломъ и сохранившаго свою хозяйственную самостоятельность земледѣльца, а потому и этотъ послѣдній по самому существу своему не можетъ быть враждебнымъ соціализму, этому «царству труда», и долженъ быть враждебнымъ капитализму, этому «царству эксплуатаціи труда». Этотъ работающій не подъ «чужимъ загадомъ», а на свой личный рискъ и страхъ земледѣлецъ, говорящій своей сивкѣ и своей сохѣ: «я самъ другъ съ тобою, слуга и хозяинъ» живетъ жизнью, основанной на «законѣ труда». Соціализмъ хочетъ только поднять основу его личной жизни—трудъ—на степень основы всего общественнаго порядка, фундамента всего общественнаго зданія будущаго. Потому соціалистъ и вправѣ, обращаясь къ такому мужику-земледѣльцу, какъ и къ мужику-пролетарію, сказать: «это—ваше кровное дѣло; мы хотимъ воздвигнуть зданіе, въ которомъ вы *люди труда* будете краеугольнымъ камнемъ».

Извѣстная часть марксистовъ—говорящихъ устами хотя бы В. Поссе изъ „Жизни"—желаютъ и теперь выдерживать до конца свою „чисто пролетарскую" точку зрѣнія. Они считаютъ возможнымъ опираться лишь на пролетаріатъ. Это не значитъ, конечно, чтобы имъ хотѣлось ограничить арену своей дѣятельности городскими рабочими кварталами. Нѣтъ, они ничего не имѣютъ и противъ работы въ деревнѣ. Но здѣсь они хотятъ найти слой, который также сущностью своего положенія былъ бы предназначенъ для демократическаго движенія, какъ индустріальный пролетаріатъ въ городѣ. И они находятъ этотъ слой. „Въ деревнѣ—говоритъ „Жизнь"—этому фабричному пролетаріату соотвѣтствуютъ безземельные сельскохозяйственные рабочіе, работающіе на *чужой* землѣ *чужими* орудіями. „Между крестьянами-собствен-

никами намъ трудно искать товарищей, но нашими товарищами сдѣлаются не только фабрично-заводскіе, но и всѣ сельскохозяйственные рабочіе. Къ нимъ прежде всего мы должны итти съ нашей пропагандой, вѣдь и среди нихъ дѣло только еще начато".

Такимъ образомъ, прокладывать дорогу въ деревню соціалисты должны черезъ сельскій пролетаріатъ. А ужъ потомъ черезъ его посредство „пропаганда *коснется* и крестьянъ, которые могутъ понять *демократическую* часть нашей программы" (соціалистической же они стало быть понять не могутъ).

Если въ деревню соціализму прокладывать дорогу трудно, то, очевидно, нужно намѣтить линію наименьшаго сопротивленія, по которой туда проникнуть всегда легче. Согласно мнѣнію В. Поссе, эта линія идетъ черезъ сельскохозяйственный пролетаріатъ. Мы не знаемъ, насколько знакома для В. Поссе деревня. Но было бы небезынтересно узнать, какой опытъ доказалъ ему это? Мы уже видѣли, что опытъ Западной Европы говоритъ, повидимому, иное. На основаніи этого опыта большинство практическихъ дѣятелей тамъ пришли даже къ убѣжденію, что исключительно, чисто-пролетарскаго движенія въ деревнѣ ожидать трудно. Какъ же тутъ быть? Или въ Россіи какія-то особенныя условія? Или въ Россіи сельскохозяйственный пролетаріатъ доступнѣе для соціалистической пропаганды и организаціи, поставленъ благопріятнѣе для самостоятельнаго, обособленнаго отъ другихъ слоевъ деревни движенія? Или въ Россіи крестьянство болѣе индивидуалистично, болѣе проникнуто пресловутымъ „собственническимъ фанатизмомъ"?

Посмотримъ, какъ обстоитъ дѣло съ сельскохозяйственнымъ пролетаріатомъ. Мы будемъ ссылаться исключительно на марксистскихъ авторовъ—ихъ-то, надо полагать, ужъ никто не заподозритъ въ стремленіи тен-

денціозно преуменьшать значеніе *пролетарскаго* элемента въ современной русской деревнѣ.

Беремъ, прежде всего, извѣстную книгу Гурвича— „Экономическое положеніе русской деревни“. Опредѣливъ численность сельскохозяйственнаго пролетаріата въ Россіи чрезвычайно крупной цыфрой—отъ 2 до 8% населенія—этотъ экономистъ прибавляетъ: „Но процентныя отношенія даютъ иногда ложныя представленія объ явленіяхъ, внѣ соотношенія съ абсолютными цыфрами. Когда говорится о 2% стомилліоннаго населенія, то возникаетъ иллюзія, будто эти 2% представляютъ двухмилліонный деревенскій пролетаріатъ съ рѣзко выраженными классовыми интересами. Но мы знаемъ, что эти пролетаріи разсѣяны по деревнямъ, съ населеніемъ въ 62 двора среднимъ числомъ на каждую. Стало быть, максимумъ въ 8% шестидесяти двухъ дворовъ означаетъ всего на всего лишь пять пролетарскихъ семей, а минимумъ въ 2%—лишь одну пролетарскую семью европейскаго типа—на деревню. Отсюда, мнѣ кажется, слѣдуетъ, что о развитіи пролетарскаго классового духа („proletarisches Klassenbewustsein“) въ современной русской деревнѣ не можетъ быть и рѣчи *)...“



Развѣ это—не та же картина, что и на западѣ? По аналогіи намъ невольно припоминаются слова одного яраго французскаго синдикалиста, изъ тѣхъ, которыхъ нѣмцы называютъ Nur Gewereckschafftler'ами. Объясняя, почему не удавались опыты съ организаціей профессіональныхъ синдикатовъ сельскохозяйственныхъ наемныхъ рабочихъ, онъ говоритъ: „Что, въ самомъ дѣлѣ, могутъ сдѣлать полезнаго нѣсколько рабочихъ, разсѣянныхъ въ мелкихъ коммунахъ, въ поселкѣ или на фермахъ, хотя общее число этихъ рабочихъ и значительно?

*) И. Гурвичъ. „Экономическое положеніе русской деревни“, Москва, 1896 г., стр. 139.

Если они устроятъ синдикатъ въ главномъ городѣ округа, способномъ сгруппировать ихъ мелкіе рессурсы, то будутъ ли они имѣть время, чтобы регулярно собираться для обсужденія своихъ общихъ интересовъ, для ближайшаго ознакомленія другъ съ другомъ, чтобы между ними могли зародиться взаимное довѣріе и солидарность? Нѣтъ. Потому-то мы и не вѣримъ въ будущность синдикатовъ сельскохозяйственныхъ рабочихъ“...

Аналогія полная...

Но не одинъ Гурвичъ такъ характеризуетъ положеніе дѣлъ въ русской деревнѣ. Обратимся къ журналу „Работникъ“, выходившему подъ редакціей Плеханова и его единомышленниковъ. Въ № 5—6-омъ этого журнала мы находимъ любопытную статью „Сельскіе рабочіе въ юго-восточныхъ губерніяхъ Европейской Россіи“. Статья эта для насъ тѣмъ болѣе интересна, что написана она марксистомъ ортодоксомъ, а priori убѣжденнымъ, что революціонизируется мужикъ лишь постольку, поскольку пролетаризируется. Эту мысль авторъ старается провести, съ этой точки зрѣнія онъ и старается освѣтить факты. Но жизнь оказывается сильнѣе, и авторъ по ироніи судьбы на каждомъ шагу самъ свидѣтельствуетъ противъ себя.

Говоря объ экономически слабой части деревни, авторъ замѣчаетъ, что каждый изъ ея представителей „является передъ нами то въ видѣ самостоятельнаго—по крайней мѣрѣ, по формѣ—производителя, то въ видѣ наемнаго рабочаго. И это обстоятельство имѣетъ немаловажное значеніе. Оно ставитъ эту экономически слабѣйшую группу во внутреннее противорѣчіе; выступая въ качествѣ наемныхъ рабочихъ, они склонны къ организаціи, къ объединенію для борьбы со своими эксплуататорами; какъ самостоятельные хозяева, какъ частные собственники, они являются взаимными конкурентами“ (стр. 71).

Таково истолкованіе фактовъ. Теперь бросимъ взглядъ на самые факты. Исходя изъ сказаннаго, слѣдовало бы ожидать, что совершенно безхозяйный элементъ—батраки—окажутся наиболѣе склонными къ организаціи, объединенію, борьбѣ. Послушаемъ автора: „Батраки—*самая безнадежная часть* сельскихъ рабочихъ въ смыслѣ воспріимчивости къ революціонной пропагандѣ. Разбросанные небольшими группами (у хозяйственныхъ мужичковъ ихъ бываетъ по 1—2 чел.) они относятся къ своему хозяину скорѣе какъ слуга къ своему господину, чѣмъ какъ рабочіе къ капиталисту. *Никогда не приходилось замѣчать среди такихъ рабочихъ дружнаго протеста.* Всѣ ихъ стремленія лежатъ позади ихъ настоящаго положенія, въ желаніи возстановить свое рухнувшее хозяйство, снова сдѣлаться частнымъ собственникомъ; они ждутъ своего спасенія не отъ общей борьбы противъ своихъ эксплуататоровъ, а отъ борьбы каждаго порознь за свою мелкую собственность, не отъ объединенія, а отъ *конкуренціи*... Уровень ихъ умственнаго развитія чрезвычайно низокъ, чувство собственнаго достоинства въ нихъ совершенно неразвито».

Когда дѣло дошло до фактовъ, то оказалось, что конкуренція,—которая въ теоріи была отдѣлена въ достояніе мелкимъ собственникамъ—разъѣдаетъ ряды и батраковъ. А какъ ведутъ себя эти мелкіе собственники, когда имъ приходится сниматься съ мѣста и наниматься къ помѣщику? По этому поводу намъ опять даютъ взаимно противорѣчащія теоретическое соображеніе и фактическое указаніе. „Хотя кругъ крестьянъ, приходящихъ на такія работы, довольно опредѣленный, но срочная, постоянная организація среди нихъ *едва ли возможна, такъ какъ у себя дома они частные собственники*“, и непосредственно же вслѣдъ за этимъ мы читаемъ:

на массовой работѣ они однако очень воспріимчивы ко всякому возбужденію протеста, что намъ приходилось не разъ наблюдать при, такъ называемыхъ на языкѣ мѣстнаго начальства, недоразумѣніяхъ съ рабочими, иногда кончавшихся временнымъ успѣхомъ послѣднихъ“ *).

Ярче обнаружить противорѣчіе теоріи съ жизнью не могъ бы ни одинъ критикъ „исключительно, чисто-пролетарской“ точки зрѣнія. Мы можемъ только прибавить, что специфическій уголъ зрѣнія помѣшалъ автору отмѣтить и оцѣнить слѣдующій фактъ: крупныя владѣльческія экономіи договариваются очень часто съ подрядчиками и посредниками, чтобы нанимаемыя ими артели рабочихъ состояли изъ крестьянъ не одной и той же деревни, а разныхъ деревень. Чего же боятся г.г. помѣщики? Очевидно, чего-то другого, а не того, что „у себя дома эти крестьяне — мелкіе собственники, а слѣдовательно, конкуренты“. Но этого „другого“— солидарности самостоятельнаго и трудового крестьянства внутри деревенской общины—авторъ a priori допустить не могъ, а потому на соотвѣтственные факты онъ глядѣлъ и ничего не видѣлъ...

Не всѣ однако марксисты способны закрывать глаза на дѣйствительность. И все чаще и чаще сквозь шаблонныя рѣчи о пролетаризаціи и капитализаціи, которыя якобы однѣ способны внести въ деревню свѣтъ классовой борьбы, проскальзываютъ, напр., такія рѣчи, что „во все учащающихся волненіяхъ крестьянства проявляются также чувства солидарности, товарищества, готовности къ борьбѣ за общіе интересы,— и въ этомъ залогъ его лучшаго будущаго“,— залогъ того, что съ развитіемъ рабочаго движенія“ и крестьянство не оста-

*) Тамъ же, стр. 75—76 (всѣ курсивы въ цитатахъ принадлежатъ намъ).

нется безучастнымъ зрителемъ и безъ колебанія станетъ на сторону борцовъ за свободу и счастье *всего народа.*

До сихъ поръ мы говорили объ отдѣльныхъ авторахъ и органахъ. Но по интересующему насъ вопросу мы имѣемъ также и опредѣленное *оффиціальное* мнѣніе всей русской соціаль-демократіи. На международномъ соціалистическомъ конгрессѣ въ Лондонѣ въ 1896 г. русская секція конгресса, цѣликомъ состоявшая изъ соціаль-демократовъ, представила докладъ по аграрному вопросу, докладъ, въ которомъ мы читаемъ: „Въ современной Россіи существуетъ лишь одинъ революціонный классъ, который не только заинтересованъ въ политическомъ переворотѣ, но всѣми условіями своего существованія прямо вынуждается жить въ непрерывной войнѣ съ существующими политическими порядками. Этотъ классъ—*промышленный* *) пролетаріатъ“. „Иначе обстоитъ дѣло съ сельскимъ пролетаріатомъ. Отсталость всѣхъ экономическихъ и соціальныхъ условій ставитъ въ *настоящее время всякой систематичной и планомѣрной* дѣятельности въ его средѣ величайшія препятствія. Сельскихъ рабочихъ насчитываютъ въ 50 губ. коренной Россіи три съ половиной милліона взрослыхъ мужчинъ. Но большая часть этихъ наемныхъ рабочихъ состоитъ изъ поземельныхъ собственниковъ, ведущихъ самостоятельное хозяйство. Такіе крестьяне занимаютъ промежуточное положеніе между неимущими сельскими пролетаріями и сельской буржуазіей. Но и экономическое положеніе сельскихъ пролетаріевъ отнюдь не таково, чтобы въ ближайшемъ будущемъ въ нихъ могло пробудиться рѣзко выраженное классовое самосознаніе. Классовая противо-

---

*) Курсивъ нашъ.

положность налицо, но до классового сознанія она еще не созрѣла. Эти психологическіе результаты соціально-экономическаго положеніи сельскаго пролетаріата въ связи съ его разбросанностью, его низкимъ умственнымъ уровнемъ, съ его привязанностью къ традиціямъ и чрезмѣрной вѣрой въ царя образуютъ въ своей совокупности непреодолимыя преграды для политической и соціальной агитаціи, стоящей внѣ закона. При такихъ условіяхъ возможно вызвать отдѣльные бунты въ сельскомъ населеніи, но систематичная агитація, все болѣе и болѣе обостряющая классовое самосознаніе, невозможна“.

И въ главномъ марксистскомъ органѣ того времени—„Работникѣ“ Г. Плеханова это заявленіе русской секціи Лондонскаго конгресса комментировалось, аргументировалось поддерживалось. „Что касается сельскаго пролетаріата—читаемъ мы, напримѣръ, въ № 3—4 „Работника“—то, отнюдь не отрицая бѣдственности его положенія, составители доклада думаютъ, что при его разбросанности, при его чрезмѣрной вѣрѣ въ царя, при низкомъ умственномъ уровнѣ, политическая и социалистическая агитація въ его средѣ невозможна при *настоящихъ политическихъ условіяхъ*“.

Такимъ образомъ люди, намѣренно ограничившіе въ деревнѣ поле своего зрѣнія батраками-пролетаріями, „работающими на *чужой* землѣ *чужими* орудіями“, совершенно отрѣзали себя отъ деревни, отъ вліянія на нее при *современныхъ* политическихъ условіяхъ“.

Но какъ измѣнить эти условія? Какъ свергнуть старый порядокъ, если громадное большинство населенія въ Россіи — крестьянство — будетъ попрежнему пассивно? Объ этомъ особенно слѣдовало бы подумать именно марксистамъ, ибо они настойчиво противопоставляютъ себя „бланкистамъ“, “якобинцамъ“, желающимъ опереться на „революціонное меньшинство“. Какъ же оставляя

въ сторонѣ деревню, разсчитываютъ марксисты пріобрѣсти опору въ массѣ, въ большинствѣ населенія, чтобы произвести политическій переворотъ? Возможно ли это помимо и даже противъ воли крестьянства? Не является ли необходимымъ заручиться въ деревнѣ хотя такимъ числомъ сторонниковъ, чтобы оно было достаточно для нейтрализаціи въ критическій моментъ происковъ реакціи.

Къ этимъ вопросамъ въ соціальдемократической прессѣ до послѣдняго времени относились слишкомъ легко. Да и въ настоящее время все еще возможны попытки обойти вопросъ, или рѣшить его слишкомъ упрощеннымъ образомъ.

Въ той же статьѣ „Жизни“ В. Поссе говоритъ: „я не думаю, чтобы безъ „перетасовки земельной собственности“, безъ крестьянскаго движенія невозможна была замѣна правленія бюрократическаго правленіемъ конституціоннымъ. Эта замѣна произойдетъ, мнѣ кажется, *гораздо проще,* чѣмъ думаетъ товарищъ, подписавшійся „голосомъ изъ деревни“ (утверждавшій, что необходимо крестьянское движеніе и, какъ его результатъ—перетасовка земельной собственности). Бюрократическая машина слишкомъ неуклюжа, чтобы справляться со всею осложнившеюся русской жизнью“ и если „либералы“, настоящимъ образомъ испугавшись рабочаго движенія, *хорошенько попросятъ* конституцію, то имъ ее *навѣрное дадутъ*...

„Проще“, дѣйствительно, трудно себѣ представить. Все это такъ просто, такъ просто, что невольно хочется воскликнуть: o sancta simplicitas! о, святая простота...

Соціализація земли и кооперація въ сельскомъ хозяйствѣ.

Въ аграрной программѣ-минимумъ соціалистовъ-революціонеровъ особенно видное мѣсто занимаютъ два пункта: требованіе соціализаціи земли и стремленіе къ развитію сельскохозяйственныхъ трудовыхъ товариществъ, или кооперацій. Можно сказать безъ преувеличеній, что эти 2 пункта являются наиболѣе характерными для данной программы; въ связи съ этими именно пунктами пріобрѣтаютъ особенный смыслъ и значеніе всѣ другія частныя требованія аграрной программы; именно 2 эти пункта отличаютъ данную программу, какъ соціалистическую, отъ реформаторскихъ программъ, не выходящихъ, по своему духу и тенденціямъ, изъ рамокъ буржуазнаго міра.

Оба названные пункта суть пункты *программы-минимумъ*. Программа-максимумъ излагаетъ тѣ мѣропріятія, которыя провели бы мы, если бы власть была въ нашихъ рукахъ, для воплощенія въ жизни нашего идеала—соціалистическаго строя. Въ настоящее время соціалисты всѣхъ странъ, не желая впадать въ утопизмъ, категорически отказываются нарисовать планъ «государства будущаго» въ деталяхъ. Идеалъ соціалистическаго строя въ ихъ программахъ играетъ роль путеводной звѣзды, маяка, опредѣляющаго направленіе пути, а не конкретнаго «прожекта» по образцу и подобію обычныхъ мини-

стерскихъ и канцелярскихъ прожектовъ. Болѣе чѣмъ кто-либо, соціалисты понимаютъ, что не только въ самосознаніи народа, а и въ техническихъ, матеріальныхъ условіяхъ производства въ настоящее время недостаетъ еще многихъ данныхъ для полнаго осуществленія соціалистическаго идеала—общественнаго регулированія всего производства сообразно общественнымъ потребностямъ—однимъ наитіемъ революціоннаго вдохновенія.

Это не означаетъ, однако, чтобы современный соціализмъ не обладалъ въ настоящее время никакой *осуществимой* программой. У современныхъ соціалистическихъ партій есть всегда достаточно требованій, которыя вполнѣ осуществимы, лишь бы для осуществленія ихъ была налицо достаточная численная сила. Огосударствленіе (національзація) земли и тѣхъ отраслей производства, которыя подготовлены къ этому процессомъ концентраціи еще въ буржуазномъ строѣ и имѣютъ общенаціональное значеніе; муниципализація другихъ предпріятій, имѣющихъ мѣстное значеніе для совокупности жителей общины (городской и сельской); передача, подъ контролемъ соціальнаго государства, въ руки ассоціаціи равноправныхъ производителей предпріятій, могущихъ быть поставленными въ непосредственную связь съ организованнымъ потребленіемъ достаточныхъ общественныхъ группъ,—эти мѣропріятія, въ своей совокупности, подорвали бы самыя основы буржуазнаго общества и заложили бы фундаментъ соціалистическаго строя. Правда, на ряду съ реорганизованными на соціалистическихъ началахъ формами при этихъ условіяхъ еще находились бы отдѣльныя частныя предпріятія; въ порахъ нарождающагося соціалистическаго общества еще гнѣздились бы самостоятельныя хозяйственныя единицы, независимые мелкіе производители, которыхъ соціализму, кстати сказать, нѣтъ никакой надобности силкомъ загонять въ

соціалистическій рай. Мы убѣждены, что внутренняя притягательная сила коллективистскихъ порядковъ окажется достаточно велика, чтобы постепенно привлечь и ассимилировать эти остатки до-соціалистическаго строя. Такимъ образомъ, осуществленіе программы-максимумъ равносильно проведенію въ жизнь тѣхъ началъ соціалистическаго строя, для которыхъ, ко времени перехода общественной власти въ руки рабочаго класса, созрѣютъ необходимыя предварительныя условія, техническія и культурныя.

Но одной программы-максимумъ для соціалистической партіи недостаточно. Эта программа, какъ уже сказано выше, предполагаетъ, что у власти стоитъ соціалистическая партія и дѣйствуетъ съ совершенно развязанными руками. Но завоеваніе политической власти предполагаетъ упорную борьбу, предполагаетъ переходный періодъ, долгій или короткій—въ теченіе котораго партія, правда, можетъ въ растущей мѣрѣ вліять на ходъ законодательства, но вынуждена считаться съ тѣмъ фактомъ, что государственная власть находится въ рукахъ тѣхъ или иныхъ фракцій буржуазіи. Проведеніе въ этотъ періодъ тѣхъ или иныхъ органическихъ мѣръ для осуществленія соціализма невозможно, ибо это означало бы соціализмъ изуродованный, приспособленный къ интересамъ буржуазно-капиталистическаго строя, т. е. пресловутый государственный соціализмъ, или, какъ удачно выразился однажды Либкнехтъ,—вѣрнѣе сказать, государственный *капитализмъ*... Съ этимъ жалкимъ ублюдкомъ соціализмъ ничего общаго не имѣетъ и имѣть не можетъ.

Но не проводя и не имѣя возможности проводить подъ флагомъ государственной буржуазіи никакихъ органическихъ мѣръ для непосредственнаго осуществленія соціализма, рабочій классъ, организованный въ политическую партію, долженъ въ этотъ переходный моментъ исполь-

зовать все свое вліяніе на законодательство въ интересахъ борющихся за свое освобожденіе трудящихся массъ. Для этого вырабатывается система требованій, чуждыхъ всякихъ сдѣлокъ съ основными началами буржуазнаго режима, согласныхъ съ соціалистическими принципами и ускоряющихъ процессъ развитія силъ, разрушающихъ старый порядокъ.

Эти-то требованія и входятъ въ составъ соціалистической программы-минимумъ. Вся сумма этихъ требованій, правда, не создаетъ *соціалистическаго порядка* и въ этомъ смыслѣ она не выступаетъ изъ рамокъ существующаго строя, не означаетъ окончательнаго подведенія всякихъ счетовъ съ этимъ строемъ. Но общій смыслъ этихъ требованій представляетъ прямое покушеніе подорвать основы этого строя, создать въ его предѣлахъ, на его почвѣ силы, работающія для его разрушенія, создать, наконецъ, и объективныя условія, возможно болѣе благопріятствующія работѣ этихъ силъ. Здѣсь въ этомъ пунктѣ и лежитъ коренное отличіе минимальныхъ требованій соціалистическихъ партій отъ проектовъ „соціально-реформаторскихъ“ партій. Эти послѣднія преслѣдуютъ цѣли возстановленія нарушеннаго соціальнаго мира и равновѣсія, тогда какъ первыя стремятся только усилить, только увеличить боевую способность и шансы на побѣду силъ, несущихъ знамя будущаго. Для первыхъ критерій плодотворности реформы— ея способность *успокоить* общественное недовольство; для вторыхъ—ея способность укрѣпить позиціи недовольныхъ элементовъ для дальнѣйшей борьбы за ихъ соціально-политическіе идеалы.

Итакъ, требованія, входящія въ программу-минимумъ соціалистической партіи, во-первыхъ, должны обладать технической, объективной осуществимостью, а во-вторыхъ, должны приближать насъ къ осуществленію на-

шей конечной цѣли, облегчая организацію, ростъ самосознанія и боевой готовности рабочаго класса (въ городѣ и деревнѣ) и создавая, въ предѣлахъ возможнаго, политическія, правовыя, и матеріальныя условія, благопріятныя для классовой борьбы арміи труда противъ арміи эксплуататоровъ труда.

Въ области политической эти требованія поэтому направлены къ полной демократизаціи всего государственнаго и юридическаго строя на началахъ свободы и равноправности. Что касается хозяйственной области, то здѣсь, съ одной стороны, стоятъ требованія законодательной защиты матеріальныхъ и духовныхъ интересовъ наемныхъ рабочихъ, занятыхъ какъ въ индустріи, такъ и въ сельскомъ хозяйствѣ; съ другой же стороны— требованія, имѣющія цѣлью привлечь къ соціалистическому движенію самостоятельныхъ тружениковъ производителей, увеличивая ихъ солидарность и препятствуя насажденію и распространенію въ ихъ средѣ „собственническаго фанатизма“. Эта часть экономическихъ требованій соціалистической программы - минимумъ имѣетъ особенное значеніе въ области аграрныхъ отношеній.

Въ деревнѣ намъ прежде всего приходится считаться съ тѣмъ фактомъ, что и самостоятельное трудовое крестьянство и сельскій пролетаріатъ обнаруживаютъ сильнѣйшее тяготѣніе къ землѣ. Есть фракція соціалистовъ, которая считаетъ это стремленіе по самому существу своему стремленіемъ реакціоннымъ. Для нея кличъ малоземельныхъ крестьянъ и безземельныхъ батраковъ: „земли, земли“ кажется не болѣе, какъ пережиткомъ стараго времени, слѣпой традиціей, съ которой крестьянство, а особенно сельскій пролетаріатъ—должны безповоротно

раздѣлаться; и чѣмъ скорѣе они съ ней раздѣлаются, тѣмъ лучше. Увеличеніе числа сельскихъ батраковъ на счетъ числа самостоятельныхъ крестьянъ—вотъ то явленіе, которое, съ этой точки зрѣнія, будучи закономъ развитія сельскохозяйственнаго производства, раньше или позже положитъ конецъ всѣмъ утопіямъ и иллюзіямъ этого рода и заставитъ не только пролетаріатъ, а и пролетаризирующееся крестьянство выработать въ себѣ чисто-пролетарскую психологію, свободную отъ старомужицкой „тяги къ землѣ“.

Взглядъ этотъ выработанъ по „аналогичному методу“, путемъ механическаго перенесенія на деревню воззрѣній, правильныхъ для совершенно иныхъ условій—условій городского индустріальнаго развитія. Факты, дѣйствительность во многихъ пунктахъ рѣзко противорѣчатъ этому взгляду. Достаточно указать на то, что въ большинствѣ культурныхъ странъ послѣднія статистическія изслѣдованія обнаружили не ростъ, а, наоборотъ, *абсолютное уменьшеніе* численности сельскохозяйственнаго пролетаріата. Сезонный характеръ сельскохозяйственныхъ работъ заставляетъ безземельнаго батрака существовать цѣлый годъ на продуктъ труда части года; создается огромное количество наемныхъ рабочихъ, не имѣющихъ постояннаго регулярнаго заработка, то вбираемыхъ процессомъ производства, то выбрасываемыхъ; это текучій, бродячій элементъ, съ трудомъ поддающійся организаціи, и говоря словами Маркса,—всегда стоящій одной ногой въ болотѣ пауперизма. Съ другой стороны, рабочіе годовые слишкомъ малочисленны, раздробленны, разбросаны и слишкомъ зависимы. Жизнь для нихъ становится ярмомъ. Лучшіе элементы бѣгутъ въ городъ, и сельскохозяйственный пролетаріатъ благодаря этому лишается какъ разъ тѣхъ энергичныхъ людей, которые при другихъ условіяхъ могли

бы быть ферментами революціоннаго броженія въ его средѣ и организаторами его освободительнаго движенія.

„Капиталистическое развитіе,—сознается даже такой правовѣрный марксистъ, какъ Каутскій,—вліяетъ въ деревнѣ иначе, чѣмъ въ городахъ. Здѣсь оно не соединяетъ людей, а разъединяетъ ихъ. Оно ведетъ не только къ относительному, но на извѣстной ступени развитія и къ абсолютному обезлюденію деревни. Оно уводитъ оттуда какъ разъ самые способные, самые энергичные и самые интеллигентные элементы. Слабѣйшіе и беззащитнѣйшіе — вотъ кто остается. Рука объ руку съ этимъ обезлюденіемъ идетъ и умственное запустѣніе деревни“...

При такихъ условіяхъ понятно, что остающіеся въ деревнѣ всѣми силами стремятся завладѣть клочкомъ земли, представляющимъ, какъ бы то ни было, нѣкоторый минимумъ относительной обезпеченности и независимости. Даже среди городскихъ рабочихъ нѣкоторыхъ типичныхъ капиталистическихъ странъ обнаруживается тенденція къ обзаведенію небольшой земельной собственностью, которая могла бы послужить „тихою пристанью“ на склонѣ лѣтъ рабочему, уставшему бороться за существованіе въ водоворотѣ конкуренціи, кризисовъ, безработицы. Нѣкоторые экономисты усматриваютъ въ лихорадочной погонѣ за землей, ведущей къ ненормальному, бѣшенному возвышенію арендныхъ и покупныхъ цѣнъ на землю,—все ту же, замаскированную, прикрытую ложной оболочкой форму вопроса о безработицѣ. Въ Россіи, гдѣ связь фабричныхъ рабочихъ съ земледѣліемъ существуетъ еще въ огромныхъ размѣрахъ, обратное перекочевываніе рабочихъ послѣ извѣстнаго промежутка времени съ фабрики

въ деревню совершается и съ большей легкостью и въ еще болѣе крупныхъ размѣрахъ.

Итакъ, „тяга къ землѣ“ со стороны сельскохозяйственныхъ батраковъ и малоземельныхъ крестьянъ имѣетъ подъ собою гораздо болѣе прочную и реальную основу, чѣмъ простая слѣпая традиція или закоренѣлый „собственническій фанатизмъ“. Коренясь въ цѣломъ рядѣ особенностей земледѣльческаго производства, эта „тяга къ землѣ“ вынудила большинство западно-европейскихъ соціалистовъ обратить на нее болѣе серьезное вниманіе, считаться съ нею и соотвѣтственно усложнить свою деревенскую тактику. На этомъ пути сдѣланы были кое-какія существенныя ошибки какъ заграничными, такъ и русскими *) соціаль-демократами. Но это, конечно, не значитъ, что самый путь былъ невѣренъ.

Перемѣна тактики по отношенію къ деревнѣ и крестьянству съ его привязанностью къ землѣ въ извѣстныхъ предѣлахъ была узаконена даже однимъ изъ отцовъ научнаго соціализма, Фр. Энгельсомъ. Вопреки догмѣ, согласно которой только пролетаризація приведетъ къ соціализму—догмѣ, особенно распространенной въ Россіи—Энгельсъ призналъ въ статьѣ „Die Bauernkriege in Frankreich und Deutschland“ возможность для крестьянъ перейти въ государство будущаго другимъ путемъ. „Мы можемъ,—говоритъ Энгельсъ,—предоставить крестьянамъ возможность *самимъ* вводить крупное производство, но не за счетъ капитала, а за ихъ собственный,

[1]) Характерно, что именно ортодоксальнѣйшіе марксисты (гэдисты во Франціи, «Искра» въ Россіи) допустили здѣсь особенно рѣзкія погрѣшности противъ революціоннаго принципа.

общественный счетъ". Какъ на примѣръ, онъ указывалъ на практику датскихъ соціалистовъ, пропагандировавшихъ въ деревнѣ соединеніе частныхъ крестьянскихъ участковъ и хозяйствъ воедино, причемъ имѣется въ виду впослѣдствіи, при общественномъ контролѣ, „постепенно перевести крестьянское товарищество въ высшую форму (um die Bauerngenossenschaft allmälig in eine höhere Form überzufüren)".—„Мы рѣшительно стоимъ на сторонѣ мелкаго крестьянина,—говоритъ Энгельсъ, —мы будемъ дѣлать все возможное, чтобы сдѣлать его участь болѣе сносной, чтобы облегчить ему переходъ къ товариществу, если онъ на это рѣшится, и даже—если онъ еще не можетъ принять такого рѣшенія—дать ему на его парцеллѣ срокъ пораздумать объ этомъ".—„Чѣмъ больше количество тѣхъ крестьянъ, которыхъ мы избавляемъ отъ дѣйствительнаго паденія на ступень пролетаріата (denen wir den wirklichen Absturz ins Proletariat ersparen), которыхъ мы выиграемъ для своихъ цѣлей уже, какъ крестьянъ—тѣмъ скорѣе и легче совершится соціальное преобразованіе"...

Эти руководящія указанія Энгельса были подхвачены и развиты особенно Э. Вандервельдомъ въ Бельгіи и Джероламо Гатти въ Италіи [1]). Не *враждебно противостать* крестьянской „тягѣ къ землѣ", а *направить* ее на единственно правильный путь—путь объединенія, соціализированія собственности и производства—таковъ современный лозунгъ соціализма въ деревнѣ. Въ духѣ этого лозунга и выработано большинство „аграрныхъ программъ" западно-европейскихъ соціалистическихъ партій.

---

[1]) Vandervelde „Le socialisme en Belgique", Gatti „Agrikoltura e socialismo". Сюда же склоняются—но съ излишними уступками индивидуализму—бернштейніанцы Герцъ и Давидъ.

Такъ, на Марсельскомъ и Нантскомъ конгрессахъ французская рабочая партія („гэдисты"—наиболѣе ортодоксальная марксистская фракція французскаго соціализма) приняла программу, видное мѣсто въ которой занимаютъ слѣдующія мѣры (см. особ. §§ 3, 5 и 8): преимущественное право сельскихъ общинъ на аренду государственныхъ земель, увеличеніе сельской общинной собственности и употребленіе на это излишковъ бюджета общинъ; запрещеніе общинамъ отчуждать ихъ общинную землю; посредничество общинъ для передачи государственныхъ земель и непосредственная дѣятельность общинъ по передачѣ общинныхъ земель въ пользованіе трудовыхъ земледѣльческихъ товариществъ, при контролѣ общины за тѣмъ, чтобы эти товарищества были дѣйствительно трудовыми, принимая членовъ на равныхъ правахъ, а не эксплуатируя наемный трудъ; покупка или наемъ общинами (при государственной помощи) машинъ для общаго пользованія тружениковъ - земледѣльцевъ, учрежденіе земледѣльческихъ товариществъ для покупки удобреній, сѣмянъ, для продажи продуктовъ и т. п. [1]). Аналогичныя программы приняты и другими фракціями: на Дижонскомъ конгрессѣ — аллеманистами, на Турскомъ — поссибилистами; въ послѣднее время на конгрессѣ, происходившемъ тоже въ Турѣ (мартъ 1902 г.), „Французская Соціалистическая Партія" (Жоресъ, Бріанъ, Вивіани и ихъ единомышленники) выработала программу, также включающую аналогичныя требованія: субсидированіе сельскихъ общинъ для помощи имъ въ дѣлѣ

---

[1]) Крайности сходятся. Отчасти въ мотивировкѣ, отчасти въ нѣкоторыхъ другихъ пунктахъ программы эти ортодоксальнѣйшіе французскіе марксисты сдѣлали уступки крестьянскому индивидуализму не хуже бернштейніанцевъ. См. превосходную критику этихъ уступокъ въ цит. соч. Фр. Энгельса и Дж. Гатти.

закупки сельскохозяйственныхъ орудій для общаго, коллективнаго пользованія, пріобрѣтенія въ общинную собственность земель, передачи ихъ въ распоряженіе ассоціаціямъ, синдикатамъ сельскохозяйственныхъ рабочихъ, подъ контролемъ общины и т. п. Такимъ образомъ, вмѣсто прогрессивнаго *національзированія* земель—передачи ихъ въ распоряженіе центральной государственной власти, пока еще слишкомъ далекой отъ трудящихся массъ деревни—французскіе соціалисты предпочитаютъ пока другіе пути постепеннаго обращенія земли въ общественную собственность — ея *соціализаціи*—исходя изъ болѣе мелкихъ единицъ—общины и сельскохозяйственнаго трудового товарищества.

Въ аграрной программѣ бельгійской соціалистической партіи (выработана рядомъ конгрессовъ—Брюссельскимъ, Гентскимъ, Нивелльскимъ) мы встрѣчаемъ тѣ же требованія относительно земледѣльческихъ коопераций, плюсъ требованіе: «національзаціи лѣсовъ, возстановленія или развитія общинныхъ имуществъ, прогрессивнаго выкупа земли государствомъ или общинами».

То же требованіе прогрессивной соціализаціи земли красною нитью проходитъ черезъ программу голландской соціаль-демократіи (Утрехтскій и Арнгеймскій конгрессы). Кромѣ общихъ предыдущимъ программамъ требованій, здѣсь мы находимъ: предоставленіе общинѣ преимущественнаго права при аукціонной продажѣ земель, расширенія права общины облагать и экспропріировать земли, особенно лежащія впустѣ, право общины требовать законной оцѣнки земель и выкупать ихъ по этой оцѣнкѣ; „въ будущемъ примѣненіе рекомендуемыхъ мѣръ должно привести къ пріобрѣтенію правъ собственности на всѣ

земли общинами“ (Fliegen „Agrarprogramm d. nid. Soz.-Dem.“).

Аграрная программа австрійской соціаль-демократіи (Грацкій партейтагъ) выдвигаетъ „обобществленіе лѣсовъ, луговъ и водныхъ силъ посредствомъ государства, села или общины, расширеніе общественной поземельной собственности, при содѣйствіи благопріятствующей народу политики государства, развитіе товариществъ на совершенно демократическихъ началахъ и т. под.“, «основаніе коопераций сельскихъ работниковъ», «меліораціонныя работы, предпринимаемыя государствомъ и сельской общиной», «передача общинамъ лѣсныхъ и рыболовныхъ правъ» и т. д. и т. д.

Аграрная программа румынской соціаль-демократіи (Бухарестскій партейтагъ) требуетъ также «постепеннаго выкупа государствомъ земель крупныхъ собственниковъ», «учрежденія общинныхъ выгоновъ» и т. д.; преимущественной сдачи перешедшихъ въ общественную собственность земель «въ аренду для артельнаго пользованія общинамъ».

Итальянская соціалистическая партія, хотя еще не выработала подробной аграрной программы, но приняла уже (Римскій партейтагъ) резолюцію, согласно которой членамъ партіи «вмѣняется въ обязанность, сообразно мѣстнымъ условіямъ, помогать распространенію идеи коопераціи», ибо товарищества имѣютъ для крестьянскаго пролетаріата и мелкихъ собственниковъ очень важное значеніе, особенно «благодаря ихъ воспитательному вліянію и подготовленію къ коллективному управленію производствомъ», при условіи руководства ими въ духѣ принциповъ и тактики соціалистической партіи.

Въ той или иной степени аналогичныя требованія входятъ и въ программы венгерской соціаль-демократіи (согласно взгляду которой «община, село представляетъ собою естественную ассоціацію»), датской, баварской, гессенской, баденской, вюртембергской. Для германской соціаль-демократіи въ цѣломъ вопросъ объ аграрной программѣ остается еще открытымъ. На Бреславльскомъ партейтагѣ одинъ проектъ былъ отвергнутъ, и рѣшено предварительное «изученіе» вопроса. На одномъ изъ слѣдующихъ партейтаговъ аграрный вопросъ будетъ, однако вновь поставленъ на очередь, и нѣтъ сомнѣнія, что стремленіе привить крестьянскому хозяйству, такъ сказать, снизу коллективистскія тенденціи, найдетъ себѣ яркое выраженіе къ будущей аграрной программѣ нѣмецкой соціаль-демократіи. Со временъ Бреславльскаго конгресса многіе догматики продѣлали крупную эволюцію въ своихъ взглядахъ. Знаменіемъ времени является, напримѣръ, статья Эрнста Эбгарта «Крестьянинъ и соціаль-демократія», помѣщенная въ «Neue Zeit», безъ малѣйшихъ оговорокъ со стороны редактора Каутскаго. Указывая на удивительную, упорную живучесть крестьянства и освѣщая этотъ фактъ въ духѣ извѣстнаго сочиненія Каутскаго объ аграрномъ вопросѣ, авторъ статьи обращаетъ болѣе вниманія на стремленія крестьянъ въ цѣломъ рядѣ мѣстностей обратиться къ раціональнымъ способамъ хозяйства, прибѣгая къ коопераціи. «Несмотря на «антиколлективистскій черепъ крестьянина», — говоритъ онъ, — мы наблюдаемъ, что частная собственность въ этихъ хозяйствахъ отступаетъ все болѣе на задній планъ, а на первый планъ все болѣе выдвигается кооперативная, коллективная собственность». По мѣрѣ развитія и расширенія хозяйственныхъ функцій коллективности, коопераціи, она стала превращаться въ главный

источникъ доходовъ; значеніе и цѣнность обособленныхъ, индивидуализированныхъ функцій хозяйства, напротивъ, стали убывать. Нетрудно видѣть, насколько фактъ этотъ содѣйствуетъ вытѣсненію въ психикѣ крестьянина индивидуалистическихъ тенденцій тяготѣніями къ коллективизму, и чего можно ждать въ этомъ отношеніи дальше. «Тогда не подлежитъ никакому сомнѣнію, отъ какого крестьянина мы можемъ ожидать большаго пониманія нашихъ требованій,—отъ обнищавшаго ли, который, въ концѣ концовъ, становится сельскимъ или промышленнымъ пролетаріемъ и ужъ только, какъ таковой, приходитъ къ намъ, или—отъ крестьянина, который уже имѣлъ возможность познакомиться съ выгодами коллективистическаго хозяйства, и стремленіемъ котораго является усилить коллективныя предпріятія, главный источникъ его дохода, за счетъ своего частнаго хозяйства». Авторъ заканчиваетъ свое перечисленіе мѣропріятій, которыя могутъ быть выставлены социаль-демократіей въ аграрномъ вопросѣ, особенно подчеркивая одинъ пунктъ: «главнымъ же образомъ — поддержка всѣхъ стремленій, которыя направлены къ устройству кооперативныхъ предпріятій, приближая такимъ образомъ хозяйство крестьянъ къ нашимъ цѣлямъ и дѣлая для крестьянъ болѣе понятными наши цѣли».

Этотъ ходъ мыслей заставитъ, конечно, многихъ доктринеровъ марксизма отнестись иначе, чѣмъ прежде, къ бреславльской рѣчи Бебеля, который говорилъ: „общинная собственность—уже не личная собственность; и если доставляемыя ею выгоды часто невелики, то причина этого лежитъ не въ ней самой, какъ формѣ землевладѣнія, но въ дурномъ распоряженіи ею.... Мы должны радоваться каждому гектару земли, который мы

превращаемъ въ общинную собственность, потому что онъ позднѣе дастъ намъ извѣстную экономію силъ при разрѣшеніи вопроса объ экспропріаціи. Поддержка общинной собственности и расширеніе ея всѣми подходящими средствами лежитъ, такимъ образомъ, въ нашемъ интересѣ“.

Вопросъ о мужицкой «тягѣ къ землѣ» имѣетъ, конечно, особенно жгучее значеніе для специалистовъ. Вопль крестьянства «земли, земли» въ послѣднее время становится все громче и громче, и, что еще важнѣе, изъ стона жалобы онъ уже превратился мѣстами въ кличъ борьбы. Этотъ фактъ имѣетъ громадное значеніе для судебъ будущаго переворота. Болѣе чѣмъ вѣроятно, что въ моментъ ликвидаціи бюрократическаго строя, въ моментъ броженія и неустройства, общей заворухи и пріостановки правильнаго функціонированія государственной машины—крестьянскія массы воспользуются благопріятнымъ моментомъ, чтобы осуществить, наконецъ, свою завѣтную мечту—добыть земли. И разъ возстаніе крестьянъ съ цѣлью захвата въ революціонный періодъ земель представляетъ собою извѣстную вѣроятность, нужно, чтобы соціалистическая партія заранѣе считалась съ этой вѣроятностью, чтобы никакой поворотъ въ ходѣ дѣлъ не засталъ ее врасплохъ, чтобы она заранѣе была готова къ нему, заранѣе обладала выработанной системой дѣятельности на этотъ случай.

Современную Россію не разъ сравнивали съ дореволюціонной Франціей. И дѣйствительно, во многихъ отношеніяхъ аналогія между двумя странами напрашивается сама собой. Господство придворной олигархіи, успѣвшей довести страну до полнаго экономическаго разстройства,

во Франціи, какъ и въ Россіи, дѣлало неизбѣжнымъ одновременно ликвидировать старый политическій строй и произвести рядъ органическихъ мѣропріятій для того, чтобы вывести страну изъ состоянія всеобщаго разстройства; освободить скованныя производительныя силы народа; возстановить тотъ минимумъ соціальнаго равновѣсія, безъ котораго невозможно никакое дальнѣйшее здоровое развитіе. Кромѣ того, и въ тогдашней Франціи, какъ въ теперешней Россіи, потребность въ такомъ переустройствѣ назрѣла и обострилась до послѣдней крайности прежде, чѣмъ было сдѣлано что - нибудь серьезное для ея удовлетворенія. Народныя массы не могли даже ждать, пока національному собранію заблагоразсудится поставить на очередь вопросъ объ отмѣнѣ помѣщичьихъ правъ на крестьянскій трудъ, о выкупѣ феодальныхъ повинностей и т. п. Едва только до деревень донеслась вѣсть о взятіи Бастиліи, какъ крестьяне стали собираться толпами, вооружаясь чѣмъ попало, чтобы взять приступомъ свои деревенскія, феодальныя Бастиліи. Вѣсть объ этомъ неожиданномъ возстаніи захватила врасплохъ національное собраніе, которому все еще некогда было подумать о бѣдствіяхъ страдавшихъ подъ игомъ феодализма крестьянъ. «Оно вполнѣ отдалось высокой и благородной работѣ деклараціи правъ, когда до него дошли первыя извѣстія о возстаніи въ деревняхъ. Въ послѣдніе дни іюля и первые дни августа оно узнало со всѣхъ сторонъ, что крестьяне, перегоняя рѣшенія законодательной власти и даже выходя за ихъ предѣлъ своимъ стихійнымъ движеніемъ, отказывались платить наиболѣе ненавистные налоги, а также исполнять феодальныя повинности. Они являлись вооруженными въ замки и, воздерживаясь отъ всякихъ насилій противъ личностей, захватывали

и сжигали старые пергаменты, старые и новые документы феодальной эксплуатаціи. Это было насильственное освобожденіе отъ всей феодальной системы. Это была великая крестьянская революція, совершавшаяся внѣ всякихъ легальныхъ формъ, помимо воли законодательной власти». Національному собранію оставалось «или организовать на всемъ протяженіи деревенской Франціи весьма трудное и опасное подавленіе возстанія, или уступить напору взбунтовавшихся крестьянъ». Первыя сдѣланныя въ немъ предложенія были въ духѣ репрессій. «Оно даже думало принять мѣры для подавленія частичныхъ возстаній, которыя, какъ доносили ему, вспыхивали тамъ и сямъ, когда узнало затѣмъ, что эти возстанія оказались всюду побѣдоносными и что феодальный строй былъ низвергнутъ" *) А тогда... о, тогда произошло то знаменитое засѣданіе въ ночь на 4 августа, которое буржуазные историки представляютъ, какъ актъ благороднѣйшаго отреченія со стороны дворянства и духовенства, охваченныхъ революціоннымъ энтузіазмомъ и порывомъ нравственнаго воодушевленія... Современныя изслѣдованія соціалистическихъ авторовъ—въ особенности цитированный трудъ Жореса — представляютъ все дѣло немного прозаичнѣе... Подавить крестьянское возстаніе значило объявить крестьянамъ „вѣчную войну", вызвать съ ихъ стороны непрерывную партизанскую борьбу противъ помѣщиковъ, значило поставить всѣ дворянскія усадьбы въ осадное положеніе, сдѣлать жизнь въ нихъ для ихъ владѣльцевъ совершенно невозможною. Это значило также вступить въ борьбу со всей страной въ то самое время, когда національному собранію было необ-

---

*) «Histoire Socialiste», 1, «Constituante» par Jean Jaures, p. 278.
*) А. Оларъ «Политическая исторія Франц. революціи» стр. 47.

ходимо имѣть точку опоры въ странѣ для борьбы съ еще сильной королевской придворной партіей; поставить себя подъ защиту королевскихъ войскъ, т. е. отдать себя въ руки своему врагу, ища въ немъ заступника и покровителя. Это значило рисковать слишкомъ многимъ, когда можно было избрать болѣе легкій и удобный путь: легализировать движеніе, забѣжать впередъ его, и объявить законодательнымъ порядкомъ освобожденіе крестьянъ отъ феодальныхъ повинностей... конечно, недаромъ, а за хорошій выкупъ. Получить кругленькія суммы взамѣнъ того, что, какъ ясно было видно, нельзя удержать въ своихъ рукахъ надолго—тутъ было отъ чего проникнуться неожиданно „революціоннымъ энтузіазмомъ“, послѣ того, какъ только что обсуждались мѣры насильственнаго подавленія возстанія,—и 4-го августа опьяненное неистовой любовью „къ мужичку-меньшему брату“, собраніе отдалось ночной оргіи самопожертвованія и рѣшило отдать ему свои феодальныя права—„за умѣренную плату“...

Нѣчто аналогичное этому движенію можетъ произойти въ Россіи, но съ тѣмъ различіемъ, что главнымъ лозунгомъ движенія у насъ можетъ явиться лишь „поравненіе земли“, а не уничтоженіе феодальныхъ повинностей, давно уничтоженныхъ и замѣненныхъ различными формами экономическихъ (а не юридическихъ) кабальныхъ отношеній*). Какую же позицію должна будетъ занять въ этомъ вопросѣ соціалистическая партія? Если

*) Въ слѣдующій разъ мы еще вернемся къ другой сторонѣ дѣла. Какъ мы тогда увидимъ, и въ революціонной Франціи въ 1789 г. зарождалось движеніе въ пользу такого поравненія; но оно совершенно заслонялось движеніемъ противъ феодальныхъ повинностей и отцвѣло, не успѣвши расцвѣсть.

въ „Учредительномъ Собраніи“ зайдетъ рѣчь о легализаціи крестьянскихъ земельныхъ завоеваній, какую форму этой легализаціи сможетъ она отстаивать, сохраняя вѣрность своимъ принципамъ?

Но для постановки этого вопроса намъ нѣтъ необходимости предполагать непремѣнно крестьянское возстаніе съ захватомъ земель. Для насъ это лишь одна изъ возможностей. Мы можемъ допустить и другую возможность: крестьяне терпѣливо ждутъ рѣшеній Учредительнаго Собранія. Собранію необходимо предпринять что-нибудь для поправленія разстроеннаго въ конецъ крестьянскаго хозяйства. Вѣдь крестьянство — большинство страны; это платежная сила, упадокъ которой чувствительно затрагиваетъ интересы государственнаго казначейства; для русской индустріи это — внутренній рынокъ, сокращеніе котораго чувствительно отзывается на карманахъ капиталистовъ. Новый политическій режимъ, чтобы пріобрѣсти устойчивость *долженъ будетъ* найти раціональныя мѣры для немедленнаго экономическаго оздоровленія деревни. Мѣры для содѣйствія техническому прогрессу, для распространенія сельскохозяйственнаго образованія здѣсь недостаточно. Не говоря уже о трудности прививки техническаго прогресса къ мелкому разрозненному хозяйству, подобныя мѣропріятія могутъ давать положительные результаты отнюдь не сразу, а лишь въ отдаленномъ будущемъ. Вопросъ о новомъ надѣленіи крестьянъ землей явится необходимымъ условіемъ немедленной помощи обнищавшей деревнѣ, и для соціалистовъ снова встанетъ вопросъ—какъ отнестись къ этой мѣрѣ? Защищать ее или оспаривать? Въ какихъ размѣрахъ и въ какихъ формахъ ее предлагать?

Эта земельная реформа прежде всего возможна въ двухъ основныхъ формахъ: 1) надѣленіе крестьянъ землею на началахъ частной собственности и 2) организація уравнительнаго крестьянскаго землепользованія на основѣ увеличенія общественной поземельной собственности.

Два этихъ основныхъ типа возможной поземельной реформы по своему направленію и общественному значенію прямо противоположны. Въ первомъ случаѣ мы дѣйствуемъ въ духѣ *индивидуализаціи* поземельной собственности, во второмъ случаѣ—въ духѣ *соціализаціи* ея.

Нѣтъ сомнѣнія, что соціалистическая партія можетъ пойти только вторымъ путемъ. Первый путь для нея совершенно закрытъ. Насаждать въ деревнѣ, въ крестьянствѣ частную собственность это можетъ кто угодно, только не соціалистъ. Непримиримое отрицаніе частной собственности для него обязательно. Никакіе софизмы оппортунистовъ, рядятся ли они въ модное одѣяніе бернштейніанства или въ старозавѣтную тогу марксистской ортодоксіи, не могутъ оправдать обходъ этого принципа. Правда, соціалистамъ въ демократически образованныхъ государствахъ приходится не только бороться противъ основныхъ устоевъ буржуазнаго общества, но и защищать интересы трудящихся слоевъ населенія въ предѣлахъ этого самаго буржуазнаго общества. Но сама по себѣ эта необходимость еще не создаетъ оппортунизма. Соціалистическая партія отстаиваетъ въ предѣлахъ буржуазнаго общества лишь тѣ реформы, которыя расшатываютъ устои этого общества, которыя содѣйствуютъ росту солидарности, организованности общественныхъ силъ, работающихъ надъ его пересозданіемъ. Частная собственность на землю—одинъ

изъ устоевъ буржуазнаго общества, и поддерживать этотъ устой могутъ лишь буржуазныя партіи. Наиболѣе дальновидные защитники буржуазнаго режима всегда мечтали и мечтаютъ о созданіи широкаго слоя «экономически-крѣпкаго крестьянства», «хозяйственныхъ мужичковъ», насквозь проникнутыхъ традиціями частной собственности на землю и духомъ индивидуализма. Такого рода «крестьянство» рисуется имъ наилучшимъ оплотомъ противъ проникновенія заразы соціализма въ деревню. Для образованія такого зажиточнаго буржуазнаго крестьянства они были бы не прочь, съ одной стороны,—обратить изрядную долю «излишнихъ» крестьянъ въ безземельныхъ батраковъ пролетаріевъ, а съ другой стороны—урѣзать немного и крупное старопомѣщичье землевладѣніе, живущее въ значительной степени «чужакомъ» новобуржуазному міру и сохранившее на себѣ явную печать «добраго стараго времени» феодализма. Поэтому для многихъ теоретиковъ буржуазнаго строя уничтоженіе общиннаго землевладѣнія, тормозящаго отслаиваніе «экономически крѣпкаго» буржуазнаго крестьянства за счетъ выбывающихъ изъ строя трудовыхъ, полупролетарскихъ слоевъ, не менѣе желательно, чѣмъ уничтоженіе заповѣдныхъ имѣній, майоратовъ и т. п. учрежденій, искусственно удерживающихъ поземельную собственность въ рукахъ неспособныхъ отпрысковъ старо-дворянскихъ родовъ, совершенно непригодныхъ для перестройки сельскаго хозяйства на современный ладъ. Право каждаго человѣка свободно распоряжаться своимъ участкомъ земли; облегченіе процесса мобилизаціи земель, перехода ихъ изъ рукъ въ руки купли-продажи—таковъ одинъ изъ первыхъ лозунговъ буржуазнаго лагеря. Увеличеніе правъ коллективности за счетъ правъ отдѣльнаго лица, хотя

бы оно совершилось на чисто демократической основѣ, для буржуазнаго экономиста кажется такимъ же деспотизмомъ, такимъ же нарушеніемъ свободы, какъ и феодальныя узы.

Само собой разумѣется, что спуститься до такой точки зрѣнія соціалистъ никогда не можетъ. Онъ не можетъ при построеніи своей программы-минимумъ просто-напросто обокрасть буржуазную программу и превратить ее въ одинъ изъ предварительныхъ фазисовъ развитія собственныхъ, хотя бы и минимальныхъ, программныхъ требованій. Среди различныхъ законодательныхъ и правовыхъ нормъ, ограничивающихъ права отдѣльной личности надъ землею, соціалистическая партія всегда будетъ дѣлать различіе, — борясь противъ однѣхъ, увеличивающихъ бюрократическую опеку и феодально-дворянскія позиціи, отстаивая и стремясь развивать другія, служащія основой охраны общихъ интересовъ труда противъ притязаній кулачества. Для соціалиста въ деревнѣ нѣтъ ничего опаснѣе, какъ именно насажденіе частной собственности, пріученіе мужика, еще считающаго, что земля «ничья», «вольная» (или «божья», какъ выражаютъ ту же идею въ архаической формулировкѣ старики) къ мысли о правѣ торговать, барышничать землей, какъ объ одномъ изъ само собой разумѣющихся «элементарнѣйшихъ гражданскихъ правъ» человѣка. Именно здѣсь и лежитъ опасность насажденія и укрѣпленія того «собственническаго фанатизма», который потомъ способенъ надѣлать соціалистамъ много хлопотъ.

Въ общемъ видѣ, конечно, никто изъ соціалистовъ не рѣшится опровергать наше положеніе, что соціалистъ

не можетъ, не измѣняя себѣ, способствовать поддержанію, насажденію, укрѣпленію частной собственности въ деревнѣ. Это—одно изъ основныхъ положеній соціализма, слишкомъ очевидныхъ, чтобы объявить ему прямую войну. Въ такихъ случаяхъ принято выискивать обходный путь, найти лазейку, уловку и признавать правило лишь для того, чтобы тотчасъ же найти для себя исключеніе. Напримѣръ, можно сказать (какъ это дѣлаетъ „Заря“): „вообще говоря, поддержка мелкой собственности реакціонна, ибо она направляется противъ крупнаго капиталистическаго хозяйства». Но такъ какъ мы хотимъ поддержать частную собственность именно не противъ капитализма, а противъ крѣпостничества, то это „случай исключительный», и поддерживая частную собственность, мы ни мало не измѣняемъ, напротивъ, служимъ принципу классовой борьбы. Но вѣдь дѣло не въ томъ, противъ чего именно вы «хотите» поддерживать частную собственность. Противъ чего бы вы ни хотѣли ее поддерживать, вы не можете этого дѣлать, не усиливая ея; а усиливая ее, вы даете ей возможность упорнѣе сопротивляться всему, чему она захочетъ сопротивляться, а не только тому, противъ чего въ вашей головѣ была предназначена эта поддержка. Частная крестьянская собственность вообще чрезвычайно живуча, и усиливая ея живучесть, вы, конечно, даете ей лишніе шансы въ борьбѣ не только противъ крѣпостничества и противъ капитализма—это еще не бѣда—а, главное, противъ соціализма. Ибо, насаждая частную собственность среди крестьянства, въ психикѣ котораго еще живутъ общинные навыки и воззрѣнія, живетъ даже представленіе о землѣ, какъ общемъ достояніи всѣхъ людей, вы затрудняете себѣ въ буду-

щемъ (и даже въ настоящемъ) пропаганду обобществленія земли, какъ и другихъ орудій производства.

Итакъ, соціалистическая партія не можетъ внести буржуазнаго духа даже въ свою программу-минимумъ аграрныхъ требованій, и здѣсь не можетъ она служить принципу индивидуализаціи земельной собственности—принципу, діаметрально противоположному ея конечной цѣли. И если она признала необходимость пойти навстрѣчу потребности трудовой массы крестьянства въ землѣ, то она можетъ сдѣлать это лишь путемъ увеличенія крестьянскаго землепользованія на основѣ не личной, а соціализированной собственности.

Но этимъ вопросъ еще не рѣшается или, лучше сказать, онъ рѣшается только въ самомъ общемъ и отвлеченномъ видѣ. Возникаетъ новый вопросъ — о тѣхъ конкретныхъ формахъ, въ которыхъ соціалистическая партія можетъ отстаивать—даже въ предѣлахъ классового буржуазнаго государства, т. е. государства въ сущности лишь полусвободнаго, полудемократическаго —соціализацію земли.

Здѣсь прежде всего намъ приходится считаться съ цѣлымъ рядомъ вполнѣ конкретныхъ проектовъ «національзаціи земли». Каждый изъ этихъ проектовъ есть частный случай по отношенію къ общему понятію—превращенія земли изъ личной собственности въ общественную,—совершенно такъ же, какъ, напримѣръ, подобнымъ же частнымъ случаемъ соціализаціи земли или другихъ областей народнаго хозяйства будетъ ихъ переходъ въ руки городовъ, общинъ, находящихся подъ общественнымъ контролемъ коопераціи и т. п. Сущность реформъ одна и та же: изъ частной собственности лица изымается извѣстная совокупность правъ и передается коллективности, или распредѣляется между коллективно-

стями. Но коллективности эти могутъ быть различны: государство, самоуправляющаяся область, городской муниципалитетъ, сельская коммуна, демократически организованная кооперація или товарищество; въ зависимости отъ тѣхъ или иныхъ условій мѣста и времени соціалисты могутъ различнымъ образомъ комбинировать въ своихъ требованіяхъ соціализаціи земли распредѣленіе между этими коллективностями правъ, отходящихъ къ обществу отъ индивидуума. При одномъ политическомъ устройствѣ, на ихъ взглядъ, интересы трудового рабочаго класса лучше всего могутъ быть гарантированы сосредоточеніемъ распорядительныхъ и собственническихъ правъ въ рукахъ центральной государственной власти, при другомъ—въ рукахъ коммуны и т. д. Сообразно этому основное требованіе соціализаціи земли можетъ измѣняться и дѣйствительно измѣняется въ аграрныхъ программахъ соціалистическихъ партій различныхъ европейскихъ государствъ. Такъ, напримѣръ, государственный элементъ шире всего представленъ въ аграрныхъ требованіяхъ англійской „соціальдемократической федераціи“ (ортодоксально-марксистская фракція англійскихъ соціалистовъ), которая выставляетъ, какъ одинъ изъ пунктовъ своей программы-минимумъ, націонализацію земли. Бельгійцы уравновѣшиваютъ въ своей программѣ оба момента, государственный и коммунальный, требуя, съ одной стороны, возстановленія и развитія общинныхъ имуществъ, съ другой—прогрессивнаго выкупа земли государствомъ или общинами. Голландцы становятся на исключительно коммунальную, общинную точку зрѣнія и отъ государства требуютъ лишь законодательнаго акта, расширяющаго права общины по обложенію, выкупу и экспропріаціи земли. Таковы два крайнихъ и одинъ средній типъ, по которымъ и рас-

предѣляются наличныя аграрныя программы соціалистическихъ партій, при чемъ большинство тяготѣетъ къ среднему типу.

При выборѣ конкретныхъ формъ соціализаціи земли особенно выступаетъ на первый планъ слѣдующій моментъ. Есть нѣкоторыя государства, въ которыхъ организація центральной власти далеко еще недемократична. Такъ, въ Германіи рядомъ съ народнымъ представительствомъ стоитъ императорская власть съ очень широкими прерогативами. Между ними возможна борьба, возможны конфликты. Въ рукахъ народнаго представительства есть очень сильное оружіе для этой борьбы: разрѣшеніе или неразрѣшеніе тѣхъ или иныхъ налоговъ. Представимъ теперь, что при такомъ порядкѣ осуществлена націонализація земли. Націонализирована рента, какъ предлагаетъ это Генри Джоржъ, или же перешло въ руки государства самое завѣдываніе землей и сдача ея въ аренду—на основахъ хотя бы проекта Альфреда Росселя Уоллеса (вдохновитель германскаго „націонализаторскаго“ движенія, Флюршеймъ, соединяетъ, съ нѣкоторыми особенностями, черты того и другого проекта). Что получилось бы отсюда? А то, что даже въ случаѣ конфликта въ рукахъ прусско-германскаго полу-абсолютизма оказались бы огромныя денежныя средства въ видѣ дохода отъ земли, превращенной въ „государственныя имущества“. Это разъ. Во-вторыхъ, сильнѣйшимъ образомъ увеличилось бы число арендаторовъ государственныхъ имуществъ, стоящихъ въ самой непосредственной зависимости отъ той же полу-абсолютистской власти. Это могло бы дать ей возможность оказывать такое громадное вліяніе и давленіе на значительную часть избирателей, что нѣмецкіе соціаль-демократы, естественно, считаютъ при данныхъ политическихъ условіяхъ „огосу-

дарствленіе“ (Verstaatlichung) земли слишкомъ опасной мѣрой [1]). Поэтому же они высказывались противъ проекта Каница, противъ Бисмарковскаго проекта табачной монополіи, противъ превращенія Reichsbank'а въ государственный банкъ, противъ, наконецъ, даже предложенія Бебеля, Либкнехта, Фольмара и др. на Бреславльскомъ партейтагѣ аграрной программы съ огосударствленіемъ ипотекъ [2]). И Вандервельде въ своемъ послѣднемъ трудѣ также признаетъ, что если власть въ государствѣ въ слишкомъ большой мѣрѣ сосредоточивается въ рукахъ „монарха или правящей олигархіи“, то въ такомъ классовомъ полу-абсолютистскомъ и милитаристскомъ государствѣ соціалисты всегда первые будутъ возставать противъ „огосударствленія“ нѣкоторыхъ важнѣйшихъ народно-хозяйственныхъ отраслей, такъ какъ оно „можетъ быть использовано въ исключительныхъ интересахъ суверена или господствующаго класса“ [3]).

Неудивительно поэтому, что и въ современной Россіи проекты національзаціи земли могутъ подвергаться передѣлкѣ на реакціонный ладъ. Такъ, напр., извѣстный проектъ обращенія всей земли крестьянскихъ общинъ въ государственную собственность съ тѣмъ, чтобы крестьяне, подобно прежнимъ государственнымъ, уплачивали извѣстную арендную плату, а выкупные платежи были уничтожены, представляетъ огромную опасность усиленія бюрократической опеки надъ крестьянами и уничтоженія послѣдней тѣни самостоятельности крестьянской общины. И если дальнѣйшее политическое развитіе Россіи пойдетъ не путемъ крутыхъ переломовъ, а пу-

---

[1]) См. Каутскаго „Die Agrarfrage“ s. 321 u. f.
[2]) См. Verhandlungen des Parteitages zu Breslau.
[3]) Le collectivisme et l'Evolution industrielle p. 1.

темъ медленнаго перерожденія монархической олигархіи въ конституціонную, то, можетъ быть, еще долго русскимъ соціалистамъ придется отстаивать самостоятельность общины отъ регулирующаго вліянія государства, хотя въ принципѣ, конечно, самымъ раціональнымъ представлялся бы контроль высшихъ органовъ народнаго самоуправленія надъ низшими, контроль, цѣль котораго — уравновѣшивать естественныя преимущества и неравенство между отдѣльными мѣстными группами населенія.

Теперь будетъ понятно, почему въ программѣ соціалистовъ революціонеровъ стоитъ не популярное слово „національзація земли“, а болѣе общее „соціализація“, не предрѣшающее передачи всѣхъ собственническихъ и распорядительныхъ правъ въ руки именно центральной власти. Возможно, что центральная власть еще долго будетъ слишкомъ далекой отъ народа, чтобы гарантировать интересы трудящихся и борющихся крестьянскихъ массъ лучше, чѣмъ это могутъ сдѣлать мелкіе органы самоуправленія — общины, и территоріальные союзы общинъ, въ родѣ преобразованной волости или земства.

Русскіе соціалисты по отношенію къ выработкѣ программы-минимумъ находятся въ своеобразномъ положеніи сравнительно съ западно-европейскими. Тѣ вырабатываютъ и детально опредѣляютъ свои требованія на основѣ вполнѣ опредѣлившихся политическихъ условій. Мы же пока совершенно исключены изъ вліянія на ходъ законодательства; и государственный строй, который смѣнитъ самодержавіе и дастъ намъ возможность вліянія, есть для насъ иксъ, величина совершенно неизвѣстная. Поэтому намъ еще рано болѣе детально выяснять будущій характеръ нашихъ положительныхъ государственныхъ работъ, чтобы не впадать въ совершенно безпочвенное прожектерство. Такого прожектерства и безъ насъ слишкомъ много. Въ земельномъ вопросѣ наша позиція можетъ быть только одна.

«Въ вопросахъ переустройства земельныхъ отношеній П. Р. С. стремится опереться въ интересахъ соціализма и борьбы противъ буржуазно-собственническихъ началъ на общинныя и трудовыя воззрѣнія, традиціи и формы жизни русскаго крестьянства въ особенности на распространенное среди нихъ убѣжде іе, что земля ничья, и что право на пользованіе ею даетъ лишь трудъ. Въ согласіи со своими общими воззрѣніями на задачи революціи въ деревнѣ, партія будетъ стоять за соціализацію земли, т е за изъятіе ея изъ товарнаго оборота и обращеніе изъ частной собственности отдѣльныхъ лицъ или группъ въ общенародное достояніе на слѣдующихъ началахъ: всѣ земли поступаютъ въ завѣдываніе центральныхъ и мѣстныхъ органовъ народнаго самоуправленія, начиная отъ демократически организованныхъ безсословныхъ сельскихъ и городскихъ общинъ и кончая областными и центральными учрежденіями (разселеніе и переселеніе, завѣдываніе земельнымъ фондомъ и т. п.); пользованіе землею должно быть уравнительно трудовымъ, т. е обезпечивать потребительную норму на основаніи приложенія собственнаго труда, единоличнаго или въ товариществѣ; рента, путемъ спеціальнаго обложенія должна быть обращена на общественныя нужды; пользованіе землями и угодіями, имѣющими не узкомѣстное значеніе (обширные лѣса, рыбная ловля и т. д.), регулируется соотвѣтственно болѣе широкими органами самоуправленія; нѣдра земли остаются за государствомъ; земля обращается въ общенародное достояніе безъ выкупа; за пострадавшими отъ этого имущественнаго переворота признается лишь право на общественную поддержку на время, необходимое для приспособленія къ новымъ условіямъ личнаго существованія» [1]).

Что касается развитія сельско-хозяйственныхъ коопераціій, то требованія въ этомъ духѣ составляютъ естественное логическое дополненіе къ земельно-соціализаторскимъ требованіямъ. Исторія аграрныхъ программъ и аграрной тактики соціалистическихъ партій доказываетъ, что въ свободномъ государствѣ кооперативное движеніе, руководимое и вдохновляемое соціалистической партіей, дѣйствительно способно служить интересамъ освободительной борьбы рабочаго класса, вносящаго въ это движеніе свѣжую идейную струю и выступаю-

---

[1]) Программа П. С. Р., утвержденная съѣздомъ 1906 г.

щаго противъ всякихъ попытокъ заразить ее буржуазнымъ духомъ индивидуализма и барышничества. Итакъ, соціалисты при этомъ вовсе не исходятъ изъ *идеализаціи* современнаго кооперативнаго движенія. Напротивъ, тактика эта принята даже въ Италіи, гдѣ среди соціальдемократовъ особенно господствовали предубѣжденія противъ коопераціи. „Мы, итальянцы — свидѣтельствуетъ Клавдій Тревесъ—до послѣдняго времени всегда питали нѣкоторую антипатію къ коопераціямъ. Мы не считали ихъ способными выдержать борьбу противъ капиталистической конкуренціи. Думалось, что посредствомъ коопераціи только происходитъ взращиваніе мелкихъ собственниковъ, которые будутъ держаться вдали отъ великихъ цѣлей экономическаго и политическаго движенія. Но противъ этихъ доктринерскихъ возраженій говорятъ, фактическіе завоеванія и успѣхи, увѣнчавшіе дѣятельность нашихъ товарищей въ деревнѣ: они приводили мелкихъ крестьянъ къ нашимъ идеаламъ именно посредствомъ сельско-хозяйственныхъ товариществъ. Вся область Монферато и Ланге сдѣлалась нашей и доставила намъ воодушевленнѣйшихъ приверженцевъ, и ораторы изъ этихъ мѣстъ говорили конгрессу: именно благодаря всевозможнымъ товариществамъ для цѣлей страхованія, коллективнаго пользованія машинами, удобреніемъ, зерномъ и т. п. мы завоевали деревню [1])“.

Кромѣ объединяющей роли коопераціи, самая борьба, въ предѣлахъ сельской общины, за расширеніе и ея правъ, и ея фактической дѣятельности по обложенію и конфискаціи поземельной ренты крупныхъ собственниковъ, по экспропріаціи въ собственность общины земель

---

[1]) Clavdio Treves· „Der neue Kurs in italienischer Socialdemokratie“ Socialistische Monatshefte, № 11, 1900.

помѣщиковъ и кулаковъ, способно болѣе чего бы то ни было раздуть и обострить классовую борьбу трудового крестьянства противъ его эксплуататоровъ, сблизить его съ сельскимъ и городскимъ пролетаріатомъ, содѣйствовать его проникновенію идеями соціализма. Вотъ почему требованія и дѣятельность въ духѣ соціализированія земельной собственности и развитія сельскохозяйственныхъ кооперацій занимаютъ такое видное мѣсто въ аграрныхъ программахъ западно-европейскихъ соціалистическихъ партій; вотъ почему, въ полномъ согласіи съ интернаціональнымъ соціализмомъ, то же основное требованіе выставляетъ въ своей аграрной программѣ и партія соціалистовъ-революціонеровъ. И вотъ почему, послѣ всего сказаннаго, для „всякаго, даже не учившагося въ семинаріи", встанетъ во весь свой ростъ колоссальнѣйшая несообразность утвержденій марксистовъ, будто „поставить рядомъ въ программѣ-минимумъ соціализацію земли и кооперацію" значитъ соединять,—проявляя „рѣдкое гражданское мужество",—Бабефа съ Левитскимъ, „безпомощно подхватывать модныя средства вмѣсто участія въ классовой борьбѣ", обманывая себя и крестьянина („ибо это обманъ, будто всевозможныя коопераціи" играютъ революціонную роль въ современномъ обществѣ и подготовляютъ коллективизмъ, а не укрѣпленіе сельской буржуазіи").

Итакъ, Вандервельде, состоящій, кстати сказать, президентомъ бельгійскаго союза соціалистическихъ сельскохозяйственныхъ товариществъ, не кто иной, какъ бельгійскій Левитскій. Энрико Ферри, ѣздившій для изученія этого движенія въ Бельгію и перенесшій его въ Ломбардію, тоже итальянскій Левитскій. Всѣ они, обманывая крестьянъ, занимаются лишь укрѣпленіемъ сельской буржуазіи. До этого, кажется, еще никто до сихъ поръ

не договаривался. Даже Каутскій, который принадлежитъ къ числу крайнихъ скептиковъ по отношенію къ кооперціямъ, при всѣхъ своихъ оговоркахъ, однако, признаетъ, что „все же раньше или позже въ каждой странѣ кооперативному движенію суждено сыграть немаловажную роль въ освободительной борьбѣ рабочаго класса рядомъ съ борьбой пролетаріата за власть въ общинѣ и государствѣ и рядомъ съ стремленіемъ общины и государства къ расширенію и увеличенію отраслей промышленности, находящихся въ ихъ рукахъ и подъ ихъ управленіемъ“.

ПРОГРАММНЫЕ ВОПРОСЫ.

Соціализація земли и программа-минимумъ.

„Соціализація земли. Конечно, соціализація земли есть одно изъ существенныхъ требованій соціалистической партіи. Но зачѣмъ соціалисты-революціонеры ставятъ ее въ программу-минимумъ? Соціализацію земли выдѣлить изъ соціализаціи всѣхъ средствъ производства. Соціализмъ нельзя осуществлять по частямъ. Соціализмъ есть нѣчто единое и цѣлостное. Требовать для земледѣлія соціализаціи въ то время, когда для индустріи выставляются гораздо меньшія требованія,—это значитъ воображать, будто въ одномъ уголкѣ общества можетъ быть частично осуществленъ соціализмъ, когда въ другомъ вполнѣ царитъ капитализмъ. Это нелѣпость и утопія. Соціализація въ земледѣліи въ деревнѣ и соціализація въ индустріи въ городѣ должны происходить одновременно. Хотите въ программѣ-минимумъ требовать соціализаціи земли, въ той же программѣ-минимумъ требуйте и соціализаціи фабрикъ. А тогда вы обратите программу-минимумъ въ программу-максимумъ и такимъ образомъ придете къ удвоенію этой послѣдней,—т. е. къ абсурду. Источникъ этого абсурда — ваше стремленіе наобѣщать деревнѣ какъ можно больше, не заботясь о логикѣ и о

согласіи съ основными принципами раздѣленія программъ на различные отдѣлы—т. е., попросту говоря, авантюризмъ и демагогія“.

Таковы ходячія возраженія противъ основного пункта нашей аграрной программы. Тонъ абсолютной, непоколебимой увѣренности, почти непогрѣшимости, съ которымъ вѣчно повторяются эти и подобныя возраженія, дѣлаетъ изъ нихъ видимость чего-то такого, съ чѣмъ необходимо считаться. И хотя, казалось бы, отъ частаго повторенія никакое вульгарное и плоское возраженіе не можетъ ничего выиграть въ логической убѣдительности — однако, на практикѣ порой выходитъ иное. И когда передъ людьми, которые еще не успѣли самостоятельно разобраться въ этомъ вопросѣ, то и дѣло, съ самымъ великолѣпнымъ апломбомъ, самымъ авторитетнымъ тономъ повторяютъ въ священномъ ужасѣ: „Какъ? соціализація земли—и въ программѣ-минимумъ? Авантюризмъ, утопія. Кого хотятъ обмануть г. г. соціалисты-реакціонеры?“—то нѣкоторое психологическое дѣйствіе порою такой методъ на „малыхъ сихъ“ все-таки оказываетъ. А стало быть, приходится сдѣлать надъ собой усиліе и отнестись ко всѣмъ перечисленнымъ возраженіямъ, какъ къ чему-то серьезному, — поскольку это вообще возможно...

И, прежде всего, приходится выяснить, вскрыть содержаніе нѣкоторыхъ основныхъ понятій. Это — дѣло, какъ мы увидимъ ниже, далеко не лишнее. Одна провинціальная обывательница — впрочемъ, дама весьма добрая и почтенная—услышавъ слово „соціальная наука“, была твердо увѣрена, что это значитъ „соціалистическая наука“. Къ сожалѣнію, этотъ методъ умоза-

ключеній по созвучію свойственень не однѣмъ только добрымъ провинціальнымъ дамамъ. И, напримѣръ, услышавъ слово „соціализація земли“, иные люди, не отказывающіе себѣ въ почетномъ титулѣ людей интеллигентныхъ и образованныхъ, съ достопримѣчательною быстротою начинаютъ говорить о „части соціализма“ или „соціалистической организаціи одного угла народнаго хозяйства“, разсматривать соціализацію фабрикъ въ городѣ, какъ вещь, аналогичную соціализаціи земли въ деревнѣ и т. п... и т. п...

Что „соціализмъ“ и „соціализація“ (какъ и „соціальный“) происходятъ отъ одного общаго корня — это несомнѣнно. Но несомнѣнно также, что значеніе различныхъ словъ, происходящихъ отъ одного корня, можетъ быть весьма различнымъ. Это свѣдѣніе изъ элементарнаго курса грамматики забывать не приходится. Въ частности слово „соціализація“ означаетъ лишь изъятіе чего-либо изъ-подъ власти частной собственности и передачу въ общественныя руки; при чемъ характеръ всякой конкретной „соціализаторской“ мѣры стоитъ въ прямой зависимости отъ того, *что именно* соціализируется — въ прямой зависимости отъ самого *объекта*, отъ самого *предмета* соціализаціи. Когда говорятъ о соціализаціи земли, то болѣе чѣмъ ясно, что о соціализмѣ здѣсь нѣтъ еще и рѣчи. Соціализмъ есть извѣстный способъ планомѣрной организаціи всего производства обществомъ и для общества. Соціализація же земли сама по себѣ еще никакъ не рѣшаетъ вопроса *о формѣ производства*, а рѣшаетъ лишь вопросъ *о формѣ собственности*, на одинъ опредѣленный родъ благъ—именно на поверхность и нѣдра земли. Одно дѣло — рѣшить, кто ихъ собственникъ, въ чьи руки должно перейти верховное распоряженіе

землей; другое дѣло — рѣшить, какой способъ производительнаго пользованія будетъ на этой землѣ установленъ.

Отсюда уже видно, до какой степени, груба, нелѣпа, абсурдна аналогія между соціализаціей земли въ деревнѣ и соціализаціей фабрикъ въ городѣ. Соціализація фабрикъ есть переходъ въ общественное завѣдываніе цѣлаго ряда хозяйственныхъ предпріятій, цѣлыхъ отраслей производства; это предполагаетъ перемѣну самой основы веденія всего производства: замѣну въ управленіи фабрикой личнаго интереса и личной воли хозяина общественной волей, приспособленіе производства къ общественнымъ потребностямъ, планомѣрно организованное производство вмѣсто товарной анархіи. Соціализація же земли есть лишь передача въ общественныя руки и въ общественное распоряженіе *одного* изъ необходимыхъ условій производства и, тѣмъ самымъ, отмѣна одной изъ самыхъ вредныхъ и тягостныхъ частныхъ монополій.

Земля, конечно, можетъ также являться однимъ изъ средствъ производства, какъ и фабричное строеніе, машина, паровой двигатель и т. д. Но она, во-первыхъ, имѣетъ весьма важное отличіе отъ всѣхъ другихъ орудій и средствъ производства. Тѣ воспроизводимы трудомъ человѣка, а земля же не воспроизводима, она дана въ опредѣленномъ количествѣ, и это количество увеличиваемо по произволу быть не можетъ. Во-вторыхъ, земля есть не только главное условіе производства въ земледѣліи. Земля есть одно изъ условій всякаго производства—ибо никакое промышленное заведеніе не можетъ висѣть въ воздухѣ, а должно стоять на землѣ, даже болѣе того: земля есть необходимое условіе всякой жизни, а пожа-

луй, даже и смерти—ибо, по крайней мѣрѣ теперь, три аршина земли на кладбищѣ нужно для всякаго, отправляющагося къ праотцамъ.

Итакъ, соціализація земли еще не есть соціализація земледѣльческаго производства, а потому не аналогична и соціализаціи фабрикъ. *Соціализаціи земли въ деревнѣ* будетъ соотвѣтствовать въ городѣ вовсе не *соціализація фабрикъ, а такая же соціализація земли*, находящейся подъ городскими строеніями. Слѣдовательно, это требованіе въ примѣненіи къ городскимъ условіямъ означаетъ лишь переходъ въ руки демократическаго городского самоуправленія, въ руки коммунъ или муниципалитета, верховныхъ правъ на распоряженіе той землей, на которой стоитъ данная городская коммуна. Иными словами, это есть требованіе муниципализаціи или коммунализаціи земли. Расширеніе правъ коммуны въ этомъ отношеніи, конечно, желательно. Оно должно служить культурнымъ цѣлямъ, а для низшихъ слоевъ городского населенія—въ томъ числѣ и для индустріальнаго пролетаріата—расширеніе это можетъ имѣть немаловажное значеніе при разрѣшеніи жилищнаго, квартирнаго вопроса*). Соотвѣтственная борьба уже и идетъ въ крупныхъ городахъ, напр., въ Лондонѣ, гдѣ образовался цѣлый рядъ городскихъ лендлордовъ; въ рукахъ этихъ крупныхъ домовладѣльцевъ иногда сосредоточиваются

---

*) Конечно, эксплуатація рабочаго, какъ квартиронанимателя, домовладѣльцемъ есть лишь побочный, второстепенный видъ эксплуатаціи, сравнительно съ эксплуатаціей его, какъ производителя, фабрикантомъ (на что съ особенной силой упираетъ Ф. Энгельсъ въ своей „Zur Wohnungsfrage"). Это не мѣшаетъ однако этому сравнительно второстепенному виду эксплуатаціи также быть крайне тягостнымъ для физическаго и моральнаго здоровья рабочихъ и требовать спеціальныхъ средствъ огражденія ихъ интересовъ въ рамкахъ современнаго общества.

цѣлые кварталы, какъ разъ въ центральныхъ мѣстахъ города. Пользуясь исключительно благопріятнымъ положеніемъ, городскіе лендлорды страшно поднимаютъ квартирную плату, и, не шевельнувъ пальцемъ, получаютъ огромные барыши. Въ то же время вздорожаніе квартиръ гонитъ бѣднѣйшую часть населенія на окраины, въ наиболѣе отдаленныя, неудобныя или нездоровыя части города. Естественно, что городское самоуправленіе дѣлается ареной борьбы съ монополіей городскихъ лендлордовъ. Коммуна стремится расширить свои права какъ по обложенію особымъ налогомъ ренты съ городского землевладѣнія, такъ и по принудительному отчужденію наиболѣе важныхъ для общихъ культурныхъ пользъ и нуждъ населенія участковъ. Городскіе лендлорды, напротивъ, упорно защищаютъ свои права и прерогативы, и если они имѣютъ достаточно вліянія на общее законодательство страны, то иногда успѣваютъ законодательнымъ путемъ втиснуть попытки городскихъ муниципалитетовъ въ возможно болѣе узкія рамки. Выставляя въ программѣ-минимумъ требованіе соціализаціи земли, соціалисты тѣмъ самымъ, между прочимъ, затронутъ одну изъ важныхъ проблемъ такъ называемаго „муниципальнаго соціализма“, при чемъ дадутъ ей самое радикальное разрѣшеніе,—такое рѣшеніе, около котораго лишь боязливо топчутся даже самые крайніе прогрессисты-демократы несоціалистическаго лагеря. Соціалисты, такимъ образомъ, и здѣсь, какъ вездѣ, пойдутъ смѣло во главѣ всякаго истинно-прогрессивнаго движенія, придавая ему должную широту размаха, логическую послѣдовательность и безстрашіе итти въ своихъ требованіяхъ до конца.

Почему же, спрашивается, можетъ быть незаконнымъ выставленіе земельно-соціализаторскихъ требованій въ про-

граммѣ-минимумъ? Быть можетъ, намъ скажутъ, что требованіе это, поставленное въ ряду минимальныхъ, практически не осуществимо; что только соціальная революція рабочаго класса можетъ дать соціализацію земли; что минимальныя требованія разсчитаны на эпоху господства въ государствѣ не соціалистическихъ, а болѣе или менѣе буржуазныхъ элементовъ; что эти буржуазные элементы на соціализацію земли не согласятся? — Но развѣ мы урѣзываемъ нашу минимальную программу сообразно тому, на что соблаговолятъ согласиться буржуазные элементы общества? Послушайте въ отвѣтъ вашихъ собственныхъ учителей, господа. Вотъ что говоритъ о минимальной программѣ хотя бы Каутскій: „Программа должна показать, чего мы *требуемъ* отъ современнаго общества или современнаго государства, а не то, чего мы *ожидаемъ* отъ него". А вотъ какъ онъ иллюстрируетъ это положеніе. „Возьмемъ, напримѣръ, программу нѣмецкой соціаль-демократіи. Она требуетъ выбора чиновниковъ народомъ... Никто не впадетъ въ такую иллюзію, чтобы считать осуществимымъ, при современныхъ политическихъ соотношеніяхъ, требованіе выбирать чиновниковъ въ Германской имперіи... Но развѣ это достаточное основаніе, чтобы не принимать его въ нашу практическую программу?" *Практически* выборность должностныхъ лицъ перейдетъ изъ области теоріи въ область дѣйствительности, очевидно, только послѣ окончательной побѣды нѣмецкой соціаль-демократіи, но послѣдняя имѣетъ всѣ данныя *за* и ни одного *противъ* выставленія этого требованія теперь же, какъ минимальнаго. Ибо его осуществленіе — теоретически-совмѣстимое и съ существованіемъ до-соціалистическаго, стало быть, въ основѣ своей буржуазнаго строя—указываетъ вѣрно то направленіе, въ которомъ и теперь уже мо-

гутъ дѣлаться отдѣльные шаги; и каждый такой шагъ будетъ не ухудшать, а улучшать условія дальнѣйшей борьбы рабочаго класса.

Мы не знаемъ и не можемъ знать, какія именно требованія и въ какомъ объемѣ фактически окажутся осуществимыми и дѣйствительно осуществятся въ періодъ до великой, послѣдней битвы, которую армія труда дастъ арміи капитала. Практическая мѣра осуществимости ближайшихъ требованій можетъ быть весьма различной въ разныхъ странахъ. Сложность и разнообразіе конкретныхъ условій, въ зависимости отъ которыхъ опредѣляется эта мѣра, нашему полному и всестороннему учету совершенно недоступны. Мы не пророки. Уже по одному этому мы, если бы и захотѣли, то не можемъ такъ пригнать наши минимальныя требованія, чтобы они совпали съ тѣмъ, что дастъ жизнь. Да этого намъ и не нужно. Намъ нужно выставлять каждое изъ такихъ частичныхъ требованій *во всей его широтѣ*, чтобы оно могло давать намъ вѣрное направленіе, въ которомъ мы добиваемся наивозможно - большихъ уступокъ. Требованія нашей программы-минимумъ суть прежде всего такія принципіальныя директивы.

Нашъ взглядъ на характеръ и смыслъ программъ-минимумъ мы, однако, достаточно ясно охарактеризовали уже въ прошлый разъ. Но посмотримъ, какъ формулируютъ теперь свои взгляды на этотъ вопросъ сами признанные авторитеты марксизма—и мы увидимъ, что они иногда даютъ формулировки, отъ которыхъ не такъ далеко отстоятъ и наши. Тотъ же Каутскій утверждаетъ: „наши практическія требованія, выражены ли они прямо въ программѣ, или представляютъ изъ себя молчаливо-

принимаемые „постулаты", должны быть сообразованы не съ тѣмъ, *достижимы ли* они при данномъ соотношеніи силъ, а съ тѣмъ, *совмѣстимы ли* они съ существующимъ общественнымъ строемъ и способно ли проведеніе ихъ облегчить классовую борьбу пролетаріата, дать толчекъ ея развитію и расчистить пролетаріату путь къ политическому господству".

Такъ мѣряйте же соціализацію земли этимъ аршиномъ, которымъ васъ ссудилъ Каутскій. Ставьте же эти два вопроса и отвѣчайте на нихъ своимъ анализомъ.

Вопросъ первый: совмѣстима ли соціализація земли съ существующимъ общественнымъ строемъ? Иначе говоря: частная собственность на землю есть ли conditio sine qua non разрозненнаго, индивидуализированнаго производства, дополняемаго товарнымъ обмѣномъ? Замѣна этой частной собственности на землю собственностью общественной возможна ли безъ одновременной замѣны всего товарнаго хозяйства планомѣрной соціалистической организаціей производства?

Достаточно поставить этотъ вопросъ, чтобы на него отвѣтить. Должный отвѣтъ мы найдемъ даже у самыхъ рѣшительныхъ противниковъ нашей аграрной программы. Послушаемъ, напримѣръ, г. Ленина. «Ограниченность земли предполагаетъ, дѣйствительно, при капиталистическомъ строѣ общества, монополизацію земли—*но земли, какъ объекта хозяйства, а не какъ объекта права собственности*. Предположеніе капиталистической организаціи земледѣлія необходимо включаетъ въ себѣ то предположеніе, что вся земля занята опредѣленными частными хозяйствами, но *отнюдь не включаетъ предположенія*, что вся земля находится въ частной соб-

ственности этихъ хозяйствъ или другихъ лицъ *или въ частной собственности вообще.* [1]) Монополія владѣнія землей на правѣ собственности и монополія хозяйства на землѣ—вещи, совершенно различныя не только логически, но и исторически». И вслѣдъ за этимъ Ленинъ идетъ еще дальше: «Логически—говоритъ онъ—мы вполнѣ можемъ себѣ представить чисто капиталистическую организацію земледѣлія при полномъ отсутствіи частной собственности на землю, при нахожденіи земли въ собственности государства или общинъ и т. п.».

Дѣло, конечно, здѣсь не въ примиреніи принципа общественной собственности на землю и «чисто капиталистической организаціи земледѣлія»—врядъ ли много народу теперь вѣритъ, что земледѣліе, какъ цѣлая отрасль промышленности, должно пройти фазу реорганизаціи на чисто капиталистическихъ началахъ. Но примѣръ Ленина тѣмъ и хорошъ, что онъ беретъ самый рѣзкій, мыслимо крайній случай. Не только совмѣстимы общественная собственность на землю и до-соціалистическое, буржуазное общество; совмѣстима даже чисто капиталистическая организація земледѣлія и общественная собственность на землю. Иного отвѣта и не могло получиться. Вѣдь, какъ бы то ни было, а г. Ленинъ все-таки «марксистъ». А стало быть, онъ долженъ быть знакомъ съ тѣми главами III тома «Капитала», которыя посвящены земельной собственности и рентѣ. Въ самомъ началѣ соотвѣтственнаго отдѣла мы наталкиваемся на знаменательное утвержденіе, что «земельная собственность отличается отъ остальныхъ родовъ собственности тѣмъ, что на извѣстной ступени развитія она оказывается

---

[1]) Курсивъ нашъ. Всѣ курсивы выше принадлежатъ самому г. Ленину.

излишней и вредной даже съ точки зрѣнія капиталистическаго способа производства» (стр. 513); и далѣе мы неоднократно встрѣчаемся съ доказательствами, что частная собственность является «чуждой силой и препятствіемъ при вложеніи капитала въ землю» (стр. 628), полагая «затратамъ капитала предѣлы, которыхъ съ чисто капиталистической точки зрѣнія не было бы безъ существованія такой монополіи».

Неудивительно поэтому, что среди передовыхъ элементовъ буржуазнаго общества начинается походъ противъ земельныхъ собственниковъ и ренты, какъ налога взваливаемаго ими на все общество, что начинаются уже въ нѣкоторыхъ мѣстахъ и практическіе опыты національзаторской и соціализаторской политики. Правда, буржуазія въ цѣломъ, угрожаемая рабочимъ классомъ, слишкомъ цѣнитъ всякихъ союзниковъ справа, чтобы поддаться естественному чувству антагонизма, обусловленнаго противорѣчіемъ ренты и прибыли; да и личныя узы, вмѣстѣ съ нерѣдкимъ соединеніемъ въ однѣхъ и тѣхъ же рукахъ землевладѣнія и капиталовладѣнія, также представляютъ серьезное препятствіе успѣху проповѣди національзаторовъ въ буржуазныхъ кругахъ. Тѣмъ не менѣе, движеніе въ пользу національзаціи земли среди не-соціалистовъ представляетъ собою лишнее свидѣтельство совмѣстности общественной собственности на землю и буржуазной неорганизованности товарнаго производства. Итакъ, анализъ перваго вопроса, поставленнаго Каутскимъ, не даетъ никакихъ данныхъ противъ включенія требованія соціализаціи земли въ программу-минимумъ.

Теперь второй вопросъ. Способно ли проведеніе соціализаціи земли облегчить классовую борьбу пролетаріата,

дать толчекъ ея развитію и расчистить пролетаріату путь къ политическому господству?

Для рѣшенія этого вопроса прежде всего приходится принять въ соображеніе нѣсколько важныхъ практическихъ послѣдствій соціализаціи земли.

Во-первыхъ. Уничтоженіе крупной частной собственности на землю имѣетъ то значеніе, что этимъ подрѣзываются хозяйственные корни существованія огромнаго и чрезвычайно вреднаго общественнаго слоя: частныхъ землевладѣльцевъ, помѣщиковъ, лендлордовъ, живущихъ поземельной рентой. Этотъ паразитный классъ въ настоящее время повсемѣстно—лучшая опора реакціи. Владѣя землей, онъ можетъ не играть ровно никакихъ производительныхъ функцій, можетъ въ глаза не видѣть своего «имѣнія» и сдачей его въ аренду получать огромныя суммы, обладать хозяйственной мощью, экономически господствовать и вліять на массы зависимыхъ отъ него вассаловъ—земледѣльцевъ. Соціализировать земли этихъ рантьеровъ—значитъ вырвать почву изъ-подъ ногъ одного изъ столповъ современнаго режима, у одного изъ злѣйшихъ враговъ рабочаго класса. Это значитъ пробить очень чувствительную брешь во вражескомъ лагерѣ и чувствительно ослабить его силы.

Во-вторыхъ. Соціализація земли означаетъ также соціализацію *ренты*. Суммы, которыя раньше шли въ руки земельнаго собственника, при этомъ условіи пойдутъ въ руки общества, могутъ быть примѣнены для образовательныхъ культурныхъ, вообще общественно-хозяйственныхъ цѣлей. Та зависимость, въ которой землевладѣлецъ, благодаря земельной собственности и

рентѣ, держалъ отъ себя арендатора земли (безразлично, былъ ли этотъ арендаторъ сельскимъ хозяиномъ или капиталистомъ, которому земля нужна была для промышленнаго заведенія, или же для жилыхъ цѣлей),—превращается въ зависимость его отъ общественной коллективности. Тѣмъ самымъ въ руки этой общественной коллективности дается могучее орудіе противъ индивидуальнаго предпринимателя въ случаѣ столкновенія его частныхъ интересовъ съ общественными *). Возьмемъ примѣръ изъ самой простой и обыденной области. Большая разница, даже теперь, въ русскихъ условіяхъ, держитъ ли кабатчикъ свой кабакъ—или мельникъ свою мельницу—на собственной или арендованной мірской землѣ. Въ первомъ случаѣ онъ всегда легче можетъ „притѣснить“ міръ платой за помолъ или какими-нибудь еще дѣйствіями, вредными мірскимъ интересамъ, во второмъ случаѣ, міръ можетъ съ своей стороны отплатить ему весьма серьезной репрессіей. А тамъ, гдѣ интересъ отдѣльныхъ капиталистовъ враждебно сталкивается съ интересами большинства трудового населенія—для этого большинства весьма важно имѣть въ своихъ рукахъ хорошее оружіе противъ денежныхъ воротилъ. Проистекающіе отсюда конфликты и столкновенія общественнаго и личнаго начала, общихъ и приватно предпринимательскихъ интересовъ могутъ быть естественной

*) Мы уже видимъ торжество, съ которымъ готовы будутъ придраться къ этому слову наши противники. „Недаромъ мы говорили, что гг. соціалисты-революціонеры хотятъ борьбу за классовые интересы замѣнить какой-то защитой интересовъ какого-то неопредѣленнаго общества“.—Спѣшимъ успокоить ихъ краткимъ объясненіемъ: каждый общественный классъ приноситъ съ собою собственное, свойственное ему пониманіе интересовъ всего общества. Итакъ, здѣсь рѣчь идетъ о столкновеніи частнаго интереса съ общественнымъ, какъ его понимаетъ рабочій классъ, руководимый въ своемъ пониманіи соціалистическимъ идеаломъ.

почвой сознательной классовой борьбы, въ которой демократически организованная коллективность—коммуна, муниципалитетъ, мелкая самоуправляющаяся земская единица и т. п.—не будетъ беззащитна. Сосредоточеніе въ ея рукахъ правъ на землю можетъ лишь обострить эту борьбу, въ одно и то же время обобщая и концентрируя ее, склоняя чашку вѣсовъ не въ сторону приватно предпринимательскаго капитала. Нетрудно видѣть, что борьба въ смыслѣ интенсивности и въ смыслѣ экстенсивности при этомъ получаетъ новый толчекъ и должна скорѣе привести къ окончательной развязкѣ.

Въ-третьихъ. Не можетъ быть никакого сомнѣнія, что, при прочихъ равныхъ условіяхъ, режимъ общественной поземельной собственности (даже въ недостаточно развитыхъ ея формахъ) даетъ среди мелкихъ землевладѣльцевъ лучшіе психологическіе навыки, чувства, воззрѣнія, чѣмъ режимъ частной поземельной собственности. Общественная собственность—даже въ предѣлахъ сравнительно мелкой коллективности—представляетъ большее поле для развитія солидарности между тружениками-земледѣльцами, и меньшее поле—для развитія „фанатизма собственности“. Даже практика уравнительныхъ передѣловъ въ современной общинѣ, задыхающейся подъ грязнымъ и грубымъ сапогомъ администраціи, даетъ болѣе благопріятную атмосферу для упражненія общественныхъ навыковъ, чѣмъ господство неограниченнаго индивидуальнаго произвола мелкихъ частныхъ собственниковъ на ихъ „вѣчныхъ“, наслѣдственныхъ участкахъ. Къ идеѣ соціализма переходъ во всякомъ случаѣ легче отъ идеи коллективнаго распоряженія землей всѣмъ „міромъ“, чѣмъ отъ привычки считать себя на „своемъ“ участкѣ полновластнымъ владѣльцемъ, который ничего знать не

хочетъ. Иными словами, даже несовершенные виды общественной собственности все же лежатъ, сравнительно съ режимомъ мелкой индивидуальной собственности, по линіи наименьшаго сопротивленія для проникновенія и распространенія идеи соціализма. Въ то же время борьба за различныя формы общинныхъ распорядковъ даетъ широкое и свободное поприще для встрѣчи лицомъ къ лицу соціалистическихъ идеаловъ,—которые могутъ и должны найти опору въ трудовомъ крестьянствѣ, въ деревенской бѣднотѣ,—съ буржуазными идеалами выдѣляющагося деревенскаго „третьяго сословія". Поводы для агитаціи и для примѣненія классовыхъ лозунговъ здѣсь неисчислимы.

Въ-четвертыхъ. Что касается до условій борьбы спеціально пролетаріата капиталистической индустріи, то и на нихъ соціализація земли отразится безусловно благопріятнымъ образомъ. Она не тормозитъ эту борьбу, а, напротивъ, облегчаетъ ее. Что сейчасъ является самымъ неблагопріятнымъ условіемъ всей этой борьбы? Безусловно, громадное количество безработныхъ, которые наводняютъ города, колоссальная избыточная армія, выбрасываемая деревней, армія людей, изголодавшихся, съ низкимъ уровнемъ потребностей, готовыхъ работать за грошъ и своей конкуренціей сбивающихъ заработную плату своихъ товарищей, которые величайшими усиліями и пожертвованіями, добивались и добились сноснаго ея уровня. Общее положеніе Россіи въ этомъ отношеніи крайне неблагопріятно. Деревня наша ввергнута въ хозяйственный кризисъ, наша хозяйственная жизнь, наши производительныя силы парализованы. Индустрія не можетъ развивать производства за недостаточностью внутренняго рынка и, въ то время, какъ и безъ того

приходится сокращать производство и отпускать рабочихъ, деревня заваливаетъ предложеніемъ свободныхъ рабочихъ рукъ. Періодическое повтореніе такихъ острыхъ формъ безработицы дѣлаетъ крайне эфемерными и непрочными всѣ завоеванія въ стачечной борьбѣ. Отсюда вражда профессіональныхъ рабочихъ противъ „зимоваловъ“, „сѣрыхъ“, „лаптей“, которые сбиваютъ заработки; отсюда взаимная глухая непріязнь, порой вражда между братьями по страданію—вражда, которая только на руку ихъ общему врагу—капиталисту. Только дѣйствительно рѣшительными, радикальными, героическими мѣрами можно стряхнуть съ деревни хозяйственный параличъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и создать отливъ къ землѣ этого совершенно искусственнаго, чрезмѣрнаго, ненормальнаго наводненія городовъ безработными. И завоеваніе *всей* земли въ общенародную собственность является, дѣйствительно, такимъ могучимъ средствомъ, которое можетъ радикально измѣнить отношеніе между спросомъ и предложеніемъ рабочей силы; можетъ довести его до такой нормы, при которой шансы отстаиванія городскимъ рабочимъ его ближайшихъ интересовъ поднимутся, его боевыя позиціи укрѣпятся, ходъ его борьбы приметъ болѣе благопріятный оборотъ...

Такимъ образомъ, поставленный въ болѣе благопріятныя условія борьбы на фабрикѣ, сильный своимъ союзомъ съ трудовымъ крестьянствомъ, сдѣлавшимся болѣе воспріимчивымъ и подготовленнымъ къ соціалистическимъ идеямъ; имѣя противъ себя вражескій лагерь, въ которомъ пробита серьезная брешь экспропріаціей крупныхъ землевладѣльцевъ; владѣя сильнымъ оружіемъ противъ другихъ капиталистовъ, въ видѣ общественной собственности на необходимую для всѣхъ землю—рабочій классъ, конечно, при соціализаціи земли сильнѣйшимъ образомъ

подвинулся бы къ моменту окончательнаго расчета съ царствомъ гнета и эксплуатаціи...

„Но потому-то буржуазный строй этого и не допуститъ, потому-то это и утопія“,—поспѣшатъ намъ возразить на это. „Потому-то Н. Ленинъ и совершенно правъ, когда вмѣсто всего этого фантастическаго благополучія, указываетъ крестьянамъ „первую дверь“ и приглашаетъ сдѣлать „первый шагъ“, маленькій, но вѣрный; потому-то вмѣсто соціализаціи земли и слѣдуетъ поставить въ программѣ отрѣзки...“.

Не допуститъ? Предположимъ, что это и такъ. Но отъ кое-какого автора мы однажды слыхали, что соціалисты все-таки „во имя своихъ революціонныхъ принциповъ и своего революціоннаго дѣла должны бороться всѣми силами всегда и непремѣнно за максимумъ [1]) нашихъ требованій. Остановить же себя до окончанія исхода борьбы тѣмъ соображеніемъ, что *всего* максимума мы, пожалуй, и не добьемся — значитъ, впадать въ чистѣйшее филистерство. Соображенія подобнаго рода всегда ведутъ къ оппортунизму, хотя бы даже этого и не желали виновники такихъ соображеній...“. „Да тамъ ужъ потомъ жизнь рѣшитъ, и исторія это запишетъ, а наше дѣло теперь, во всякомъ случаѣ, бороться и бороться до конца. Развѣ смѣетъ солдатъ, который уже двинулся въ атаку, разсуждать, что мы, можетъ быть, не весь непріятельскій корпусъ, а три пятыхъ его уничтожимъ“. И, разсмотрѣвъ возможность попытки со стороны власть имущихъ отдѣлаться только „частичкой платежа“ по предъ-

---

[1]) Здѣсь, какъ и ниже, все время рѣчь идетъ о максимумѣ требованій въ предѣлахъ буржуазнаго общества.

явленному къ нимъ «векселю», тотъ же авторъ прибавляетъ: «Но намъ-то какое до этого дѣло? Частичку платежа мы, конечно, положимъ къ себѣ въ карманъ, нисколько не прекращая, тѣмъ не менѣе, отчаянной борьбы за весь платежъ...». «Тамъ уже сама борьба рѣшитъ, какую часть этого платежа, когда именно и какъ именно удастся намъ отвоевать. Глупо было бы пытаться учесть эту часть раньше, чѣмъ мы не дали врагу почувствовать всей силы нашихъ ударовъ и не испытали на себѣ всей силы его ударовъ. Такъ и въ крестьянскихъ требованіяхъ наше дѣло—опредѣлить, на основаніи научныхъ данныхъ, *максимумъ* этихъ требованій и помочь товарищамъ бороться за этотъ максимумъ, а тамъ уже пусть смѣются надъ его „проблематичностью" трезвенные легальные критики и влюбленные въ осязательность результатовъ нелегальные хвостисты».

И этотъ авторъ, цитируемый нами противъ Н. Ленина, есть тотъ же Н. Ленинъ. Надо думать, однофамилецъ...

Нѣтъ, читатель, немножко болѣе, чѣмъ однофамилецъ. Эти два Ленина суть въ то же время одинъ Ленинъ, только въ двухъ лицахъ. Но два лица не въ ладахъ между собою, и вотъ—„ужасный мигъ—они сразились".

Одинъ Ленинъ сочувственно цитируетъ Каутскаго о программѣ минимумъ: „Соціальдемократическая программа пишется не для даннаго момента, — она должна по возможности дать директиву при всѣхъ и всяческихъ конъюнктурахъ въ современномъ обществѣ". Другой Ленинъ спѣшитъ „подставить ножку" первому и иронически замѣчаетъ: „наша аграрная программа разсчитана поэтому практически главнымъ образомъ на непосредственно бли-

жайшее будущее, на періодъ *до* паденія стараго режима. Одинъ Ленинъ рѣшаетъ: „въ рабочемъ отдѣлѣ (программы - минимумъ) мы не въправѣ выходить за предѣлы соціально-реформаторскихъ требованій, въ крестьянскомъ отдѣлѣ мы не должны останавливаться и передъ соціально-революціонными требованіями“; въ крестьянскомъ отдѣлѣ мы должны „требовать и того, что въ состояніи только силою взять себѣ революціонное движеніе самого крестьянства“. Другой Ленинъ, какъ на зло, констатируетъ, что—увы,—какимъ-то образомъ выработанная согласно этимъ принципамъ аграрная программа „въ преобладающей части ея требованій“ будетъ, по мѣрѣ развитія сельско-хозяйственнаго капитализма, все болѣе терять значеніе, „ибо остатки крѣпостного права, противъ которыхъ эта программа направлена, вымираютъ и сами собой и подъ вліяніемъ политики правительства“. Одинъ Ленинъ грозно и неумолимо требовалъ самаго максимальнѣйшаго максимума всегда, вездѣ и непремѣнно, а другой взялъ да и подсунулъ вмѣсто этого „первый шагъ, маленькій, но вѣрный“. Одинъ Ленинъ громилъ урѣзываніе своихъ требованій, какъ филистерство и оппортунизмъ, а другой предательски толкнулъ его въ объятія елецкихъ земцевъ; эти послѣдніе сколько ни выдумывали, какъ бы это мужику въ родѣ какъ бы что-то дать, а на самомъ дѣлѣ ничего не давать, и ни до чего, лучше „отрѣзковъ“ г. Ленина, не додумались. Отсюда второй Ленинъ и заключилъ,—очевидно иронически,—что проектъ перваго Ленина чрезвычайно „практиченъ“, вопреки противоположнымъ сплетнямъ и лжетолкованіямъ злостныхъ „соціалистовъ-реакціонеровъ“...

Но оставимъ нашихъ двухъ Лениныхъ. Хотя и поучительно и любопытно зрѣлище того, какъ „они срази-

лись“ и какъ изъ нихъ „то сей, то оный на бокъ гнется“, но это все-таки отступленіе, а мы должны вернуться къ нашей темѣ.

Спрашивается: какія же аграрныя требованія больше удовлетворяютъ основнымъ принципамъ построенія соціалистической программы, ставящей свои требованія во всей ихъ наивозможной широтѣ, и какой же смыслъ могутъ имѣть упреки за выставленіе соціализаціи земли, какъ требованія программы-минимумъ?

Здѣсь, пожалуй, не лишнимъ будетъ напомнить еще одно замѣчаніе Каутскаго, подъ которымъ мы также не прочь подписаться. „Она (практическая или минимальная программа),—говоритъ Каутскій,— должна служить не только практическому дѣйствію, но и пропагандѣ; она должна въ формѣ конкретныхъ требованій указать съ бóльшей наглядностью, чѣмъ это могутъ сдѣлать абстрактныя разсужденія, то направленіе, въ которомъ мы хотимъ итти впередъ. Чѣмъ болѣе отдаленныя практическія цѣли можемъ мы себѣ при этомъ ставить, не теряясь въ утопическихъ спекуляціяхъ, тѣмъ лучше. Тѣмъ яснѣе будетъ для массъ,— даже и для тѣхъ массъ, которыя не въ состояніи понять наши теоретическія разсужденія,—то направленіе, которому мы слѣдуемъ“.

Вотъ именно. И съ этой стороны лучшаго лозунга для деревни, чѣмъ соціализація земли, нельзя найти. Этотъ лозунгъ съ большей конкретностью показываетъ то направленіе, которому мы слѣдуемъ и по которому мы зовемъ итти крестьянъ. И крестьяне понимаютъ этотъ лозунгъ и прекрасно формулируютъ его своимъ своеобразнымъ яркимъ и образнымъ языкомъ. „Раньше—

говорятъ они—мы, мужики, были подъ барами; нами могли торговать, дарить насъ, вымѣнивать. Мы были собственностью. Теперь насъ освободили, а земля осталась въ той же неволѣ. Теперь нужно и землю высвободить изъ-подъ собственности—чтобы она была наша общая мать-кормилица, и чтобы ею, нашей матерью, никто не могъ торговать да барышничать". Да, этотъ практическій лозунгъ, который прекрасно можетъ служить и цѣлямъ пропаганды и цѣлямъ непосредственной борьбы, въ то же время превосходно указываетъ наше общее направленіе: путемъ революціонной борьбы труда противъ эксплуатаціи—къ торжеству общественнаго начала надъ разрозненностью и своекорыстнымъ индивидуализмомъ буржуазнаго міра.

ПРИЛОЖЕНІЕ.

Русская крестьянская община.

Мартирологу русской крестьянской общины, повидимому, нѣтъ конца. Удары за ударами сыплются на нее со всѣхъ сторонъ. Самые различные факторы русской жизни какъ бы сговорились задушить, раскромсать всѣ уцѣлѣвшіе остатки общинно-трудовыхъ началъ русскаго крестьянства и замѣнить ихъ буржуазно-индивидуалистическими. Историческій грабежъ крестьянскихъ общинныхъ земель, совершавшійся безпрепятственно въ дореформенной Руси на основаніи лишь одного голаго права силы, завершился одновременнымъ и генеральнымъ всероссійскимъ грабежомъ тѣхъ же земель по положенію 19-го февраля 1861 г. За крупицу сомнительной свободы, полученной крестьянами сорокъ лѣтъ тому назадъ, русская крестьянская община принуждена была отдать свои лучшіе земельные участки, истечь своей лучшей кровью и, обезсиленной, анемичной пойти навстрѣчу цѣлому ряду новыхъ все худшихъ испытаній.

Испытанія эти извѣстны каждому, и перечислять ихъ тутъ мы не намѣрены: чуть ли не каждый годъ приносилъ все новыя, не замѣняя старыхъ, а лишь дополняя ихъ и ускоряя тѣмъ самымъ процессъ обезси-

ленія и разложенія общинныхъ трудовыхъ началъ крестьянской жизни. Финансовый и административный гнетъ, отчуждавшій лучшіе крестьянскіе элементы отъ общинно-деревенскихъ интересовъ, „купонный“ строй жизни, разводившій повсюду Колупаевыхъ и Разуваевыхъ, законодательныя мѣры, потакавшія зародившимся повсюду индивидуалистическимъ, анти-общиннымъ инстинктамъ и вожделѣніямъ, —все это подтачивало и расшатывало, неустанно и систематически, тѣ самые начала и устои нашей народной жизни, важную политическую роль которыхъ для русскаго *соціальнаго* переворота вынуждены были признать даже такіе люди, какъ Ф. Энгельсъ [1]). Но ошибочно было бы думать, что общинные традиціи и устои русскаго народа подорваны и расшатаны уже въ такой степени, что считаться съ ними уже больше не приходится. Ошибочно было бы полагать, будто бы за послѣднія четыре десятилѣтія русское крестьянство успѣло уже въ такой степени индивидуализироваться, т. е. проникнуться собственническими, „купонными“ чувствами и идеями, что русскимъ соціалистамъ-революціонерамъ не остается ничего другого, какъ отказаться отъ своихъ

---

[1]) Хотя Энгельсъ еще въ 1885 г. былъ склоненъ думать, что русская община идетъ къ разложенію, тѣмъ не менѣе онъ очень рѣшительно утверждалъ: „Однако существуетъ неоспоримая возможность ея перехода въ высшую форму общежитія, если только она сохранится до тѣхъ поръ, когда обстоятельства позволятъ такой переходъ, и если она окажется способной къ развитію въ томъ смыслѣ, что крестьяне станутъ обрабатывать земли не подворно, а всѣмъ міромъ; тогда русскіе крестьяне перейдутъ прямо къ высшей формѣ, минуя промежуточную ступень буржуазной мелкой собственности“. (Фр. Энгельсъ о Россіи, стр. 15—16). И въ 1894 г., незадолго до смерти, онъ писалъ, что не знаетъ, сохранились ли отъ русской общины такіе остатки, чтобы остался въ силѣ его старый прогнозъ, и только подчеркивалъ, что „если остатки русской общины могутъ быть спасены, то лишь подъ условіемъ низверженія бюрократическаго деспотизма“.

минимальныхъ расчетовъ и надеждъ на соціализацію земли и пойти вслѣдъ за русскими марксистами вводить деревни въ буржуазныя условія существованія". Напротивъ, цѣлый рядъ самоновѣйшихъ данныхъ, касающихся русской общины, убѣждаетъ насъ, что русскій крестьянинъ, задавленный, безправный и ограбленный, и до сего дня еще грудью борется за то, въ чемъ инстинктивно чуетъ соціальную справедливость, крѣпко держась за излюбленную свою общину. Сбиваемый съ позиціи въ одномъ мѣстѣ, онъ стремится наверстать потерянное въ другомъ, упорно сохраняя въ своей душѣ вѣру въ конечное и даже недалекое уже торжество его взглядовъ на земельную собственность. Онъ ждетъ не дождется „всеобщаго поравненія"; въ Полтавской и Харьковской губерніяхъ онъ уже пробовалъ однажды провести его; и соціально-революціонная пропаганда идетъ навстрѣчу его стремленіямъ, приближая наступленіе „слушнаго часа", когда повсюду раздастся, наконецъ, могучій лозунгъ „Земля и Воля".

Подтвержденіемъ сказанному могутъ служить заключенія губернскихъ совѣщаній министерства Внутреннихъ Дѣлъ по вопросу объ измѣненіи законодательства о крестьянахъ, а также данныя, находимыя нами въ сводѣ мнѣній сельскохозяйственныхъ комитетовъ о нуждахъ сельскохозяйственной промышленности [1]). Воронежское губ. совѣщаніе въ доказательство жизненности общиннаго землевладѣнія приводитъ тотъ фактъ, что даже нѣмцы колонисты Острогожскаго у. установили въ полевыхъ своихъ надѣлахъ общинное землевладѣніе. Въ

---

[1]) См. М. О. Толмачевъ: Крестьянскій вопросъ по взглядамъ земства и мѣстныхъ людей. Москва. 1903 г.

Вятской губерніи земельная община «является настолько устойчивой, что жизни ея еще не грозитъ никакой опасности». Въ Самарской губ. констатируетъ губернское совѣщаніе «общинная форма не разрушается, а напротивъ, развивается; покупая земли у частныхъ землевладѣльцевъ, какъ отдѣльные крестьяне, такъ и сельскія общества переносятъ на вновь пріобрѣтенныя земли формы и обычаи общиннаго землепользованія». На вопросы, не обнаруживается ли стремленіе и насколько распространенъ переходъ отъ общиннаго землевладѣнія къ подворно-наслѣдственному, большинство губ. совѣщаній сообщаетъ, что выдѣлы участковъ изъ состава общинной земли какъ у крестьянъ бывшихъ помѣщичьихъ, такъ и государственныхъ «весьма незначительны» (напримѣръ, въ Рязанской губ. всего 140). Въ Бессарабской губ. въ селеніяхъ бывшихъ болгаръ, колонистовъ и государственныхъ крестьянъ наблюдался переходъ отъ общиннаго къ подворно-наслѣдственному владѣнію, но часто не могъ состояться по несогласію $^2/_3$. Въ Петербургской и Владимірской губ. отмѣчается, что выдѣлъ производится часто лишь для выкупа и затѣмъ выкупленная земля остается въ общемъ черезполосномъ владѣніи. «Обратный переходъ отъ подворно-наслѣдственнаго къ общему владѣнію также рѣдокъ», но если принять во вниманіе, что для такого перехода нужно уже согласіе не $^2/_3$, а *всѣхъ* членовъ даннаго селенія, то и тѣ случаи, какіе отмѣчены въ этомъ отношеніи губ. совѣщаніями, имѣютъ несомнѣнное симптоматическое значеніе. «Въ Самарской губ. переселенцы переходятъ къ общинному владѣнію; выкупленные надѣлы въ 95% оставлены въ общинномъ владѣніи». Кромѣ того, такое же стремленіе къ переходу отъ индивидуальнаго къ общественному владѣнію губ. совѣщанія отмѣчаютъ въ нѣкото-

рыхъ мѣстахъ Казанской, Орловской, Пензенской, Тамбовской и другихъ губерній.

Не менѣе важны и интересны для насъ данныя и заявленія сельско-хозяйственныхъ комитетовъ. Макарьевскій уѣзд. комитетъ, въ которомъ было много крестьянъ, единогласно высказался за общинное землевладѣніе. Многіе комитеты, въ которыхъ крестьянскій элементъ отсутствовалъ, высказывались противъ общины. Противники общиннаго землевладѣнія въ саратовскомъ губ. комитетѣ были того мнѣнія, что „община у насъ создана и поддерживается искусственно, особыми законоположеніями (??), съ отмѣной которыхъ она сама собой рушится... Общинные порядки гнетущимъ образомъ вліяютъ какъ на земледѣліе, такъ и вообще на самодѣятельность крестьянъ". Какъ видите, все это старыя погудки, обычныя въ устахъ аграріевъ еще со временъ Шедо-Феротти и Лиліенталя. Критиковать ихъ намъ не приходится. Въ свое время Марксъ въ своихъ письмахъ къ Кугельману достаточно охарактеризовалъ этихъ господъ и ихъ аргументацію. „Поскольку дѣло касается русскаго общиннаго землевладѣнія,—писалъ онъ о первомъ, — то этотъ молодецъ обнаруживаетъ столько же невѣжества, сколько жонглерства. Шедо-Феротти—одинъ изъ тѣхъ господчиковъ, которые выставляютъ общинное землевладѣніе причиной бѣдственнаго положенія русскаго крестьянства (конечно, in the interess of the landlordisme [1]), совершенно такъ же, какъ когда-то въ Западной Европѣ прокричали, какъ причину пауперизма, отмѣну крѣпостного права—вмѣсто потери бывшими крѣпостными ихъ земли... Бѣдность русскаго крестьянства

[1]) „Въ интересахъ крупнаго землевладѣнія".

создана тѣмъ же, чѣмъ и бѣдность французскаго крестьянства при Людовикѣ XIV — налоговой системой государства и платежами въ пользу крупныхъ землевладѣльцевъ; что же касается общиннаго землевладѣнія, то оно не только не создало бѣдствій крестьянства, но наоборотъ — только оно и смягчило ихъ" (Die Neue Zeit, XX, Bd. 2, s. 415).

Весьма пессимистическій взглядъ на общинное землевладѣніе высказывался нѣкоторыми членами псковскаго губ. комитета: „Формы ея омертвѣли,—говорили они,— и въ средѣ ея установился взглядъ на землю, какъ на личную собственность". Нечего и говорить, что эти *отзывы* не совсѣмъ гармонируютъ съ тѣми *данными*, взятыми изъ самой дѣйствительности, которыя мы привели раньше. Въ этомъ отношеніи представляютъ крупный интересъ данныя новоторжскаго комитета, гдѣ приглашены были 20 крестьянъ для рѣшенія вопроса, находятъ ли они общинное землевладѣніе и землепользованіе необходимымъ и желательнымъ. Большинство этихъ крестьянъ заявило, что уничтожить общинное владѣніе было бы «противно совѣсти». Уничтоженіе общины было бы по ихъ мнѣнію только тогда возможно, если бы за каждымъ крестьяниномъ «было обезпечено въ настоящемъ и будущемъ такое количество земли, которое *гарантировало* бы существованіе его и его семейства не только при обычныхъ условіяхъ, но и въ случаѣ несчастія, инвалидности и смерти», т. е. другими словами, если бы введена была общественная гарантія индивидуальнаго существованія, т. е. опять-таки та же общинная система, только въ еще болѣе широкой и совершенной формѣ. При этомъ сторонники сохраненія общиннаго землевладѣнія сами указывали на его темныя стороны,

но всѣ эти недостатки зависятъ, по ихъ мнѣнію, не отъ общиннаго землевладѣнія, а отъ административной несамостоятельности общинъ, отъ недостаточности сельско-хозяйственныхъ знаній у крестьянъ и низкаго уровня ихъ общаго образованія и т. д. Защитники общины въ саратовскомъ губернскомъ комитетѣ тоже указывали, что отрицательныя стороны общины заключаются не въ самой природѣ, а въ современномъ юридическомъ ея строѣ и навязанныхъ ей административныхъ функціяхъ, которыя гнетущимъ образомъ вліяютъ на индивидуальность и проявленіе иниціативы крестьянина.

Изъ всего вышесказаннаго явствуетъ, что русская община, несмотря на всѣ тяжкіе удары, получаемые ею вотъ уже 40 лѣтъ отъ бюрократически-буржуазныхъ и «купонныхъ» распорядковъ, *все-таки жива* и продолжаетъ, если и не развиваться, то ревниво оберегать свои основные бастіоны и редуты отъ нагло надвигающагося со всѣхъ сторонъ индивидуализма. Намъ ужъ приходилось говорить (см. № 50 «Р. Р.») о *новыхъ* бюрократическихъ экспериментахъ, направленныхъ противъ общины, о намѣреніи подчинить всю нашу народно-правовую жизнь основнымъ индивидуалистическимъ началамъ нашего гражданскаго уложенія. Въ дополненіе къ этому, отмѣтимъ здѣсь еще и проектъ все той же редакціонной комиссіи по пересмотру законоположеній о крестьянахъ, имѣющій въ виду содѣйствіе развитію такъ называемаго *хуторскаго* землевладѣнія. Дѣло въ томъ, что нѣкоторые сельско-хозяйственные губер. комитеты (Кіевскій, Каменецъ-Подольскій и друг.) высказались за необходимость и полезность «добровольнаго разселенія крестьянъ по хуторамъ и предоставленія на надѣльныя земли полной личной собственности». Къ

этому взгляду всецѣло присоединилась и редакціонная комиссія, исходящая отъ мысли о вредѣ многолюдныхъ селеній и необходимости облегчить разселеніе крестьянъ. Поставивъ передъ собою такую задачу, комиссія естественно задумала новый ударъ русской общинѣ, какъ такому народному установленію, которое «стѣсняетъ свободу разселенія». «Предложенія комиссіи—читаемъ мы по этому поводу въ «Рус. Вѣд.» (№ 243)—построены именно на идеѣ поддержки въ населеніи общинъ того меньшинства, которое обнаруживаетъ стремленіе выйти изъ общиннаго уклада, хотя бы послѣдствіемъ этого выхода и явилось, въ концѣ концовъ, разрушеніе общины къ явному ущербу большинства ея членовъ». Въ противоположность дѣйствующему законодательству, требующему согласія не менѣе $^2/_3$ домохозяевъ для перехода къ наслѣдственно-подворному владѣнію или для образованія выселковъ части сельскаго общества на край полей, проектъ комиссіи требуетъ для этого послѣдняго случая соотвѣтственнаго постановленія лишь $^1/_5$ всѣхъ домохозяевъ и даже того меньше, *т. е. самаго незначительнаго меньшинства*. Очевидно, что такой крайній индивидуалистическій, даже анархическій принципъ, положенный комиссіей въ основаніе своего проекта, не только направленъ противъ самыхъ основъ общинной жизни и естественнаго представителя ея — демократически управляющагося сельскаго схода, рѣшающаго всѣ дѣла по большинству голосовъ, но и создаетъ крайнюю неустойчивость правъ отдѣльныхъ домохозяевъ на надѣльную землю въ виду абсолютнаго права меньшинства во всякую данную минуту требовать новаго передѣла и выдѣла для себя земли. Кромѣ того, если бы проектъ комиссіи осуществился, то «группа домохозяевъ, которая пожелала бы держать въ своихъ рукахъ всю общи-

ну, во многихъ случаяхъ легко могла бы достигнуть этой цѣли, предъявляя требованіе о выдѣлѣ каждый разъ, какъ только сельскій сходъ не соглашался бы удовлетворять то или другое ея желаніе». (Р. Вѣд. ibid).

Удастся ли осуществиться данному проекту въ жизни или нѣтъ, гадать мы не беремся; но онъ важенъ для насъ, какъ показатель тѣхъ, все усиливавшихся, индивидуалистическихъ теченій, которыя, въ общемъ итогѣ, всѣ направлены въ одну сторону—въ сторону разложенія общинно-трудовыхъ началъ русской народной жизни и пріобщенія русскаго крестьянства къ буржуазно-капиталистическому культу частной собственности.

Какъ извѣстно, ту же «истинно-соціалистическую» задачу поставила себѣ въ послѣднее время и русская соц.-дем. партія. И она собирается теперь въ великій индивидуалистическій походъ противъ общинно-трудовыхъ началъ русской крестьянской жизни и въ защиту—разумѣется, лишь «на время»—частной земельной собственности; и она желала бы взять подъ свое покровительство «свободную личную волю» незначительнаго индивидуалистическаго меньшинства противъ демократическаго верховенства сельскаго схода и общинно настроеннаго большинства. Она идетъ даже еще дальше буржуазныхъ враговъ общины, она требуетъ для каждаго крестьянина права, не справляясь съ желаніями общины, выдѣлять изъ передѣловъ и закрѣплять въ своей частной собственности находящійся въ его пользованіи участокъ земли—что равносильно полному уничтоженію правъ общины, какъ коллективной индивидуальности. Русская крестьянская община получила себѣ, такимъ образомъ, въ лицѣ русскихъ марксистовъ новаго врага и ждетъ отъ него новыхъ для себя ударовъ, которые будутъ,

конечно, тѣмъ чувствительнѣе, тѣмъ больнѣе, что исходить-то будутъ они на сей разъ отъ несомнѣнныхъ друзей народа, искренно желающихъ ему полнаго освобожденія отъ политическаго и экономическаго рабства. Колупаевы и Разуваевы—справа, русскіе марксисты—слѣва,—цѣлая перспектива «сотрудничества классовъ» для солидарной работы на конечное разрушеніе уцѣлѣвшихъ еще общинныхъ началъ народной жизни. «Революціонный соціализмъ Маркса и Энгельса—писалъ не такъ давно Г. Плехановъ—не только не старается задержать развитіе капитализма, но, наоборотъ, является самымъ крайнимъ и рѣшительнымъ врагомъ всего, что задерживаетъ его развитіе» и идетъ «рядомъ съ буржуазіей тамъ, гдѣ дѣло касается старыхъ докапиталистическихъ отношеній», т. е., между прочимъ, и русскихъ общинно-артельныхъ формъ народной жизни *). Правда, было время, когда русскіе марксисты, не исключая и самого Плеханова, высказывались на этотъ счетъ нѣсколько иначе. «Мы не держимся,—писалъ тогда Г. Плехановъ,—того взгляда, скорѣе навязаннаго школѣ Маркса, чѣмъ существовавшаго въ дѣйствительности — взгляда, по которому соціалистическое движеніе не можетъ будто бы встрѣтить поддержки въ нашей крестьянской средѣ до тѣхъ поръ, пока крестьянинъ не превратится въ безземельнаго пролетарія, а сельская община не разложится подъ вліяніемъ капитализма». «Мы думаемъ,—писалъ все тотъ же Г. Плехановъ, — что, въ общемъ, русское крестьянство отнеслось бы съ большей симпатіей ко всякой мѣрѣ, имѣющей въ виду такъ называемую „*націонализацію земли*“ (курсивъ вездѣ

---

*) Плехановъ. Новый походъ противъ русской соціаль-демократіи 1897, стр. 20.

нашъ). При возможности сколько-нибудь свободной агитаціи въ его средѣ, оно отнеслось бы съ сочувствіемъ и къ соціалистамъ, которые не замедлили бы, разумѣется, *внести требованіе такого рода въ свою программу*. Но мы не преувеличиваемъ силъ нашихъ соціалистовъ... *Поэтому, и только поэтому*, мы думаемъ, что имъ слѣдуетъ *на первое время* сосредоточить главное свое вниманіе на промышленныхъ центрахъ» („Соціализмъ и политическая борьба", 1883 г., стр. 76). Нѣсколько позже, въ 1885 г., Плехановъ былъ еще того мнѣнія, что Чернышевскій „доказалъ", что общинное землевладѣніе „можетъ, при извѣстныхъ условіяхъ, прямо перейти въ коммунистическую форму развитія" („Наши разногласія", стр. 11—12), и что община „можетъ менѣе сопротивляться такому движенію (къ коммунизму), чѣмъ мелкое подворное землевладѣніе", даже болѣе, что она способна *„облегчить* (курсивъ Плеханова) переходъ нашего крестьянства къ коммунизму (стр. 11—12 и 311)"... Правда, уже и тогда Плехановъ находилъ исторически полезнымъ нѣкоторое частичное разложеніе общины, но лишь потому, что образовавшійся такимъ образомъ русскій пролетаріатъ, организовавшись въ одну рабочую партію, можетъ „послужить главнымъ оплотомъ соціалистической агитаціи въ пользу экономическихъ реформъ, предохраняющихъ общину отъ повсемѣстнаго разложенія". „Тогда народническія мечты о самобытномъ развитіи нашего крестьянства осуществятся по отношенію, по крайней мѣрѣ, къ нѣкоторымъ его частямъ" (ibid. стр. 212—213, 31).

Такъ писалъ, убѣждалъ и доказывалъ Г. Плехановъ, уже будучи русскимъ марксистомъ. Совершенно противоположное пишетъ и «доказываетъ» онъ теперь. И въ

томъ и въ другомъ случаѣ онъ считалъ и считаетъ свою точку зрѣнія единственно научной и единственно прогрессивной. Ему вторятъ хоромъ и всѣ вѣрно слѣдующіе за нимъ «ученики». Въ особенности старается въ этомъ отношеніи нашъ вновь подогрѣтый, такъ называемый „легальный марксизмъ“ въ подпавшихъ его вліянію русскихъ ежемѣсячныхъ журналахъ. Прочтите, напр., въ іюльской (1904) книжкѣ журнала «Образованіе» статью, посвященную злободневной темѣ о „пересмотрѣ законодательства о крестьянахъ», чтобы убѣдиться, какой глубокой непріязнью къ общинно-трудовымъ традиціямъ русскаго народа и какой любовью къ нашему старому X тому Свода Законовъ и новому гражданскому уложенію прониклись наши доморощенные марксисты. Авторъ статьи обрушивается съ горькими упреками на знакомую уже намъ редакціонную комиссію при министерствѣ Внутреннихъ Дѣлъ за ея слишкомъ якобы еще большія симпатіи и пристрастіе къ обычно-правовымъ нормамъ русскаго народа, которыя, съ одной стороны, вовсе де и не существуютъ въ русской народной жизни, а съ другой стороны, вредны (??); земледѣльческая община полезна однимъ только хозяйственнымъ мужичкамъ и богатѣямъ, и потому ничего отъ нея, кромѣ вреда, быть не можетъ (хотя, казалось бы, за это-то «содѣйствіе» ея крестьянской буржуазіи—а, стало быть, и «внесеніе въ деревню классовой борьбы»—русская община должна бы встрѣтить симпатіи къ себѣ со стороны марксистовъ,—да вѣдь имъ не угодишь)... «Все это народное правосознаніе—пишетъ авторъ—при ближайшемъ знакомствѣ съ жизнью оказалось источникомъ не права, а всякаго рода безправія и насилія». Вѣдь, подумайте только,—аргументируетъ г. марксистъ въ защиту этого своего положенія: «обычно-правовыя

воззрѣнія народа, оказалось, недостаточно обезпечиваютъ исполненіе крестьяниномъ принятыхъ на себя обязательствъ по договору личнаго найма съ помѣщиками». Это ли еще не убѣдительный аргументъ въ устахъ «научнаго марксиста»?.. Въ общемъ итогѣ онъ требуетъ отъ редакціонной комиссіи при министерствѣ Внутреннихъ Дѣлъ поменьше стѣсняться съ народными общинными традиціями и замѣнить крестьянскія обычно-правовыя нормы общегосударственными гражданскими и уголовными законами. Послѣдовательно и логично. Того несомнѣнно требуетъ программа, поставившая себѣ цѣлью «введеніе деревни въ буржуазно-капиталистическія условія существованія», того требуютъ интересы какъ «нанимающихъ крестьянъ помѣщиковъ», такъ и другихъ эксплуататоровъ русскаго народа, имѣющихъ расчистить почву для царства подготовляющаго соціализмъ капитала, г.г. Колупаевыхъ и Разуваевыхъ. Намъ могли бы возразить здѣсь, что указъ 8-го января правительствующему сенату объ учрежденіи губернскихъ совѣщаній по пересмотру законодательства о крестьянахъ требуетъ положить въ основу такого пересмотра «неприкосновенность общиннаго строя» и тѣмъ самымъ какъ бы отказывается отъ противо-общинной политики. Но всякому, кому приходилось ближе познакомиться какъ съ самымъ этимъ указомъ, такъ и съ общимъ характеромъ работъ редакціонной комиссіи, должно быть понятно, что это,— простая насмѣшка надъ истиннымъ значеніемъ употребляемыхъ словъ: министерство внутреннихъ дѣлъ разумѣетъ подъ этими словами, собственно, сохраненіе *сословнаго* строя «при условіи—какъ гласитъ указъ— облегченія отдѣльнымъ крестьянамъ способовъ выхода изъ общины». Проекты комиссіи, преданные гласности,

вполнѣ подтверждають такое наше истолкованіе намѣреній правительства.

Но не того требуютъ истинные интересы русскаго стомилліоннаго народа; не того требуетъ крѣпкая еще русская крестьянская община. Беря на себя борьбу за интересы всего трудящагося и эксплуатируемаго народа, партія соціалистовъ-революціонеровъ беретъ также подъ свою защиту и лучшія его традиціи и стремленія, вынесенныя имъ изъ глубины исторіи, инстинктивное стремленіе нѣкоторыхъ его элементовъ къ демократически-мірскому строю, тѣ его навыки въ области самоуправленія, въ которыхъ покойный Костомаровъ усматривалъ элементы, благопріятные для установленія и развитія въ Россіи земско-федеративной организаціи всего государственнаго строя, тѣ взгляды на землю, какъ естественное общее достояніе всѣхъ трудящихся, и тѣ обычно правовыя воззрѣнія, которыя путемъ логическаго развитія и обработки можно поднять до широкой идеи соціализаціи земли и регулированія межчеловѣческихъ правовыхъ отношеній соотвѣтственно высшему трудовому началу общежитія.

Мы ничего не хотимъ идеализировать. Мы не скрываемъ отъ себя той горькой истины, что многое изъ всего этого уже въ значительной степени подточено и изглодано «купонными» теченіями жизни и столь же многое таится въ глубинѣ народной души въ качествѣ лишь одной потенціи, возможности, едва сказаннымъ и непродуманнымъ. Индивидуалистическая атмосфера, въ которой всего болѣе приходится дышать русскому крестьянину, несомнѣнно мутитъ его сознаніе, отравляетъ его совѣсть. Но отсюда не слѣдуетъ ли, что мы всѣ русскіе соціалисты, революціонеры,

всѣ, сочувствующіе нашимъ стремленіямъ, близко соприкасающіеся съ народомъ, должны взять на себя задачу пробуждать въ немъ лучшіе общинные инстинкты тамъ, гдѣ они заглохли, поддерживать ихъ тамъ, гдѣ они еще борются съ противоположными теченіями, указывать имъ путь-дорогу къ борьбѣ съ буржуазно-бюрократическимъ строемъ и тѣмъ самымъ подготовлять въ ближайшемъ будущемъ великій антииндивидуалистическій походъ русскаго крестьянства для завоеванія земли и воли? Редакціоннымъ комиссіямъ разныхъ полицейскихъ и не полицейскихъ вѣдомствъ, составляющихъ заговоръ противъ драгоцѣннѣйшихъ традицій и основъ русской народной жизни, мы должны противопоставить наши комитеты, подготовляющіе «для слѣдующаго дня», послѣ переворота, общинно-трудовую организацію правовой и экономической жизни русскаго крестьянства. Мы должны подвергнуть своему внимательному изученію великую и крайне поучительную литературу по обычному праву русскаго народа, мы должны уже теперь составлять для него брошюры, осмысливающія для него выработанныя имъ же самимъ лучшія нормы правовыхъ отношеній; мы должны стараться, чтобы всевозможными путями въ народъ проникала наша лучшая народническая литература 70-хъ и 80-хъ годовъ какъ беллетристическая, такъ и научная, чтобы соотвѣтственныя сочиненія Златовратскихъ, Карониныхъ, Успенскихъ и т. д. нашли возможно большее распространеніе среди крестьянской молодежи и пробуждали въ ней общинные, мірскіе интересы и стремленія. Активная и разносторонняя соціально-революціонная пропаганда и агитація нашей партіи среди крестьянъ расширитъ эти интересы и стремленія, раскрывъ передъ ними общечеловѣческіе идеалы международнаго соціализма и втянувъ ихъ въ общее великое русло всероссійской рево-

люціи. Въ борьбу общины съ разъѣдающими ее вліяніями, во внутренніе распорядки сельскихъ сходовъ, подавляемыхъ всякаго рода кулацкими и административными элементами, вмѣшаются сознательные рабочіе и крестьяне во имя истины и широко понятыхъ общинно-трудовыхъ идеаловъ. Тогда «выброшенный изъ деревни въ качествѣ обѣднѣвшаго члена общины пролетарій вернется въ нее соціалистическимъ агитаторомъ. Его появленіе въ этой роли измѣнитъ безнадежную теперь судьбу общины. Ея разложеніе неотвратимо лишь до тѣхъ поръ, пока само это разложеніе не создастъ новой народной силы, могущей положить конецъ царству капитализма. Такою силою является рабочая партія и увлеченная ею бѣднѣйшая часть крестьянства». Эти слова мы заимствуемъ изъ стараго проекта... русской соціальдемократической программы, который читатель найдетъ въ брошюрѣ «Чего хотятъ соціаль-демократы». Теперь ими составляются и пишутся проекты нѣсколько иного рода; теперь люди, полагающіе, что часть распропагандированныхъ въ городѣ рабочихъ должна возвращаться въ деревни съ аграрно-общинными программами, титулуются соціалистами-реакціонерами; теперь «единственно научными» соціалистами пишутся аграрныя программы, которыя многими изъ нихъ же самихъ не признаются ни научными, ни прогрессивными, а просто никуда негодными [1]). Что касается приведенныхъ

[1]) «Что изъ себя представляетъ программа Россійскихъ соціальдемократовъ,—спрашиваетъ Вѣстникъ Бунда (№ 4 стр. 21) и отвѣчаетъ:—Теоретическая ея часть есть простая перефразировка, мѣстами очень неудачная, Эрфуртской программы; практическая часть ея есть собраніе требованій, надерганныхъ изъ разныхъ западно-европейскихъ соціальдемократическихъ программъ и ничего специфически русскаго въ себѣ не заключаетъ; исключеніе составляетъ пунктъ о необходимости низверженія самодержавія и аграрныя требованія, основанныя на «теоріи» отрѣзковъ, которые не подходятъ ни для одной изъ окраинъ Россіи и, *можетъ быть*, подходятъ для нѣкоторой части

выше словъ стараго проекта соціальдемократической программы, то мы, съ своей стороны, всецѣло готовы подписать ихъ съ той лишь оговоркой, что мы не видимъ причинъ отвергать самостоятельную способность русской деревни къ общинно-соціалистической иниціативѣ, т. е. и помимо помощи--весьма цѣнной самой по себѣ—«выброшеннаго изъ деревни пролетарія».

Таковы ближайшія задачи русскихъ соціалистовъ по отношенію къ общинѣ и, въ частности, къ обычно трудовымъ началамъ и традиціямъ русскаго народа. Наша партія, въ этомъ отношеніи, является продолжательницей и «душеприказчицей» всѣхъ лучшихъ теченій русскаго общества, исполнительницей его священнѣйшихъ завѣтовъ. И мы не сомнѣваемся, что наша аграрная программа привлечетъ къ себѣ съ теченіемъ времени симпатіи всѣхъ искреннихъ друзей народа, всѣхъ вдумчивыхъ и самостоятельно мыслящихъ работниковъ. Тѣмъ болѣе мы надѣемся и вѣримъ, что она найдетъ себѣ воспріимчивую почву среди самого народа.

центральной Россіи». Впрочемъ, мы убѣждены, что пресловутые «отрѣзки», въ которыхъ критика не оставила живого мѣста, будутъ въ недалекомъ времени выброшены за бортъ самими марксистами. (Въ настоящее время отказъ отъ „отрѣзковъ“ можно считать совершившимся фактомъ. *Ред.*).

Дозволено цензурою. Москва 30 ноября 1905 года.

Типографія А. П. Поплавскаго. Покровка, Лялинъ пер., соб. домъ.

Новоторжскій. Что такое правовое государство, 10 коп.
В. Черновъ. Памяти Михайловскаго, 25 коп.
С. Швецовъ. Крестьянская община, схема ея возникновенія и развитія, 5 коп.

Изданія «Сѣятеля».

Нижній-Новгородъ «Книжный Музей». Б. Покровка, для «Сѣятеля».

В. Черновъ Къ вопросу о капитализмѣ и крестьянствѣ, 20 коп.
– Вандервельде. Идеализмъ въ марксизмѣ, съ предисловіемъ В. Чернова, 15 коп.
Ламенне Современное рабство, 8 коп.
Цадекъ. Рабочій день и вырожденіе, 9 коп.
Новый пѣсенникъ, 4 коп.

Изданія Вл. Распопова.

А. Бахъ. Экономическіе очерки, 15 коп.
Е. Вандервельде. Идеализмъ въ маркизмѣ, съ пред. В. Чернова, 7 коп.
Р. Р. Соціализація земли, 5 коп.

